

Слёзы войны.

Вступление.

Колька родился за три года до начала Великой Отечественной войны. Все события, связанные с этим временем, в его памяти почти не отложились. Уже после войны, длинными осенними и зимними вечерами, при тусклом свете керосиновой лампы, бабушка Нина, вечно занятая штопкой или починкой старой и изношенной одежды, рассказывала ему о том, что происходило в Киеве во время фашистской оккупации. Она говорила ему о его погибших на фронте родителях, о трагических событиях в Бабьем Яру, которые довелось им всем тогда пережить. Затаив дыхание, ребёнок лежал возле тёплой печурки, в утробе которой уютно потрескивали искрами сухие дрова, и слушал неторопливые бабушкины воспоминания. На белой стенке отражались причудливые, пляшущие контуры от закопченного лампового стекла. Сквозь щели в дверце печурки выскакивали яркие проблески пламени. Перемешиваясь друг с другом, они создавали на стене, как на экране кино, постоянно меняющиеся картинки. Колька смотрел на них, и в его детском сознании эти картинки превращались в действующие образы и события тех трагических дней.

В такие минуты он даже забывал о зажатом в руке ржаном сухаре, который ему бабушка щедро выделила из своих укромных запасов. Он вдыхал ни с чем несравнимый его аромат и тешил себя надеждой позже им полакомиться.

Глава 1.

До войны их соседями по квартире была интеллигентная многодетная семья. Они занимали две маленькие комнаты. Отец семейства, Володя, был художник, фотограф и заядлый рыбак. Он и Колькин папа выросли вместе, учились в одном классе и были закадычными друзьями.

Володина жена, Дора, работала концертмейстером хоровой капеллы. У них было двое детей – старшенькая, развитая не по годам десятилетняя Лизочка и белокурый красавчик-ангелочек трёхлетний Антоша. За год до начала войны у них родился ещё один сын – Семёнчик, названный в честь деда по маминной линии. Своим басовитым голоском он постоянно требовал к себе всеобщего и постоянного внимания. Таким своеобразным способом у него проявлялась детская настойчивость завоевать своё заслуженное место в семье.

Учитывая ежедневную занятость родителей, все заботы и хлопоты по дому, а также уход за детьми взяла на себя Дорина мама – бабушка Ида, которая часто приезжала к ним из Черновцов. Сейчас, в связи с рождением третьего ребёнка, она приехала помочь дочке, да так и задержалась. Мужа она уже давно похоронила. Осталась одна. Вот и приезжала к дочке и внукам. А те скучать не давали.

Колькина бабушка Нина и бабушка Ида давно знали друг друга, и бабушка Нина часто помогала Иде по её шумному хозяйству. По субботам бабушка Ида исправно посещала синагогу - сказывалось местечковое воспитание раннего детства, а бабушка Нина, по воскресным дням ходила в Андреевский собор. Несмотря на такое резкое различие веры, у них никогда не возникало споров на религиозные темы. Мало того, они даже нашли много общего у Священной Торы и Библии. Свои далеко не простые хозяйственные дела они тоже вели сообща. Делились между собой какими-то мелочами, которых в хозяйстве вечно (по забывчивости) не хватало: то соль, то спички или пару ложек муки. Вместе ходили на рынок, после чего с гордостью хвастались перед своими домашними, кто и за сколько выторговал какие-то продукты. Если кто-то из них шёл в магазин, то всегда что-то прикупал для другого. Так они и жили дружным шумным семейством.

Однажды, Колькин папа и Володя взахлёб прочитали какую-то книгу о путешествии по тропическим джунглям на плоту. Вдохновлённые идеей о странствиях, они купили на Никольской слободке у рыбака старый баркас. Почти пол-года они старательно её ремонтировали и перестраивали. Весной переправили её на Днепр, установили мачту, приспособили парус, и у них получилась довольно сносная яхта. Теперь они могли по выходным выезжать двумя семьями и путешествовать по речным заливам и протокам, наслаждаясь водными просторами Днепра и рыбалкой.

Глава 2.

Отец Володи, Никанор, был художником - богомазом. Он расписывал церкви, писал иконы. В поисках заработка семья вела кочевой образ жизни. Как-то раз Никанор получил крупный подряд на роспись вновь построенной церкви в селе Ядловка Черниговской губернии на Украине. Свою маленькую семью – молоденькую красавицу жену Настю и годовалого сынишку Володю – он взял с собой. Так они попали в село. Настя, юная девушка, воспитанная в давних, патриархальных традициях своей семьи, которая происходила из старинного дворянского рода Иконниковых. Её брак «с каким-то богомазом без роду, без племени», одобрения у родителей не получил. В то время семейные традиции отличались большой строгостью. Родители поставили Настю перед выбором или богомаз, или право на наследство. Без всяких колебаний, как и свойственно молоденьким девушкам, Настя выбрала Любовь.

Они приехали в Ядловку, и Никанор сразу же приступил к работе. Целый год он работал под куполом церкви, расписывая потолок, лёжа на лесах. Помещение не отапливалось, донимали сквозняки. Он заболел и вскорости умер. Там же, в селе Ядловка, возле церкви на цвинтаре Настя его и похоронила. Возвращаться назад к родителям ей было заказано и она осталась с маленьким Володей жить там же.

Село было большое. Его основал ещё в шестнадцатом столетии вольный запорожский казак Ядло. Знаменито оно было тем, что никогда не имело крепостного права. В то далёкое время в селе была даже своя войсковая дружина.

Теперь богатые земли принадлежали помещику. Он очень увлекался лошадьми и держал вполне приличную конюшню, которой очень гордился. У него была особая пара жеребцов, которых запрягали только в парадно-выездную коляску. При конюшне работал конюхом рубаха-парень красавец Мина. Только он один мог укротить и править этими полудикими жеребцами. Никого другого они к себе даже не подпускали. Помимо этого, он ещё был первоклассный столяр, по тем временам очень престижное и доходное ремесло. Мина тоже безумно любил лошадей и только поэтому согласился обслуживать выездную пару, что было не менее для него почётно.

Жену себе помещик привёз из Германии. Они прожили совместно уже пять лет, но Бог так и не дал им ребёночка. Загрустила пани в селе без подруг и знакомых. Языка не знает, не с кем даже и пошутиться...

Как-то раз Мина предложил покатать её по красивым украинским левадам и нивам. Согласилась пани, да так ей понравилось кататься, что начала она чуть ли не каждый день подряжать Мину на прогулки. Теперь уже трудно было сказать, что больше ей понравилось: кататься на коляске по живописным украинским степям или жаркие ласки красавца-конюха. И понеслись по всему селу бабские пересуды. Слухи дошли и до пана. Обозлился он и увёз жену в Германию, подальше от украинского соблазнителя.

Не долго думая, Мина двинулся туда же своим ходом, выкрал кралю и привёз обратно в село. Они укрылись на дальнем хуторе у его родственников. Пан принял срочные меры по возвращению своей жены и нагрянул на хутор с жандармами. Мина был всё-таки простой сельский парень, а не какой-нибудь абрек с Кавказа. Он не стал сопротивляться и устраивать перестрелки, а вернул пану его кралю. Этому поступку было несколько причин: во первых, она ему уже порядком надоела, да и содержать её оказалось для него дороговато. Но самая главная причина была в том, что ему уже давно запала в душу молодая вдова, как её называли в селе - красавица-кацапка Настя. А немка – это просто так, кураж. Не пропадать же молодому, здоровому задору!

Прошло некоторое время и это событие потихоньку уже забылось. Тем более село готовило к освящению построенную церковь, и необходимо было водрузить крест на её купол. По давней традиции для этого обычно подбирали самого сильного парня. Крест привязывали у него за спиной. С этим тяжёлым грузом он, с помощью верёвок и креплений, взбирался на самую маковку церкви, разворачивался и вставлял его в гнездо. Это мог сделать лишь человек, который обладал не только незаурядной силой, но и большим мужеством. Именно таким человеком и был Мина. Он с блеском выполнил эту работу, и о нём пошла слава по всей округе. Редкая девушка не

заглядывалась на него. Настя тоже залюбовалась мужественным красавцем. Церковь освятили в сентябре на Николая, а уже осенью, перед Рождественским постом, всем селом гуляли свадьбу Мины и Насти. Даже пан не погнушался, пришёл и подарил жениху карманные часы. Бабские языки понесли по всему селу, что он сделал такой дорогой подарок на радостях, что возле Мины появился сторож. Ну, да на то они и есть бабы!

С малых лет Володя рос в селе среди своих сверстников и очень скоро его уже невозможно было отличить от других украинских мальчишек. Осталось только детское прозвище – Володька-кацап. Гены отца перешли к нему, и он унаследовал от Никанора способность к рисованию. Окончив начальную школу в селе, он переехал в Киев, для продолжения обучения. После окончания средней школы, Володя поступил в Киевскую академию художеств. Ещё будучи студентом, он и познакомился с обаятельной и красивой девушкой студенткой Музыкально-Драматического института Дорочкой.

С детства Володя полюбил Украину. Он считал себя рождённым на этой земле, хорошо знал украинский язык и все местные обычаи. При получении паспорта он с гордостью назвал себя украинцем. У него было много друзей и знакомых в мире искусства, в частности, в Капелле бандуристов, Академии художеств, в хоровой капелле «Думка», где Дора в то время проходила практику концертмейстера. Они полюбили друг друга.

Глава 3.

Война грянула неожиданно. Возвращаться бабушке Иде назад в Черновцы было уже поздно. За короткое время фашисты оккупировали всю Западную Украину. На семейном совете было решено, что Ида останется здесь, в Киеве. Домой ей возвращаться было некуда. В Черновцах уже хозяйничали фашисты.

После объявления приказа о мобилизации Колькин отец в тот же день отправился в военкомат. Проводы были короткими. Провожающих было мало. В то время почти каждая семья кого-нибудь из мужчин провожала на фронт. Несмотря на успехи фашистов в первые дни войны, настроение у всех мобилизованных и добровольцев было боевое. Все верили в то, что война долго не продлится и герои скоро вернутся домой с орденами и медалями на груди. Многие, особенно молодёжь, даже завидовали мобилизованным. Только бабушке Нине было совсем невесело. Её материнское сердце предвещало недоброе. Бравурными маршами, которые целый день звучали по радио, и показной храбростью его не обманешь. «Кому война, а кому мать родна», - говорила она, вытирая кончиком передника уголки глаз.

Колька помнил, как на проводах отца он сидел вместе со всеми гостями за общим столом у него на коленях. Тот, удерживая его сильной рукой за худенькие плечики, всё время подкладывал ему в тарелку что-нибудь вкусненькое. Колька гордился своим отцом – будущим героем войны.

Перед уходом из дома, отец поднял его высоко над собой, до самого потолка. Долго смотрел на него, потом прижал к груди и поцеловал. От него пахло чем-то незнакомым, солдатским. Потом, Колька ещё долго вспоминал этот запах. После отцовского прощального поцелуя у него на щеке, как ему показалось, от прикосновения его губ, осталось какое-то чувствительное место. Даже сейчас, стоило ему подумать об отце, как щека у него в этом месте начинала нагреваться.

Колькин дед, Никита, не дождавшись повестки, начистил до блеска сапоги, одел кепку-восьмиклинку набекрень, выпустив из-под неё чуб, и сам пошёл в военкомат требовать отправки на фронт. Там ему категорически отказали, ссылаясь на его возраст. Но причина отказа была и в том, что он когда-то давно был судим за «политику», или, как говорила бабушка Нина, «за свой длинный язык». Антисоветчина из него пёрла, как горох из переполненного мешка. По тем временам это было очень опасно, а ему, по мнению бабушки, «хоть кол на голове теши». Ходит себе, улыбается, да свои частушечки распевает. До поры до времени всё это сходило ему с рук. Но однажды, где-то не к месту, ляпнул дед анекдотик и получил три года. Отбывать свой срок его направили на строительство Беломорканала. Дед Никита отличался врождённым, природным юмором и, как ни странно, большим патриотизмом. Он

отнёсся к своему наказанию с пониманием. Даже на суде выступил с речью в свойственной ему манере:

- Раз государство затеяло такое большое дело с каналом, то кто-то же должен его рыть. Ну, сами посудите, где же ему взять столько денег, чтобы платить за работу? А таких раздолбаев, как я, у него хватает. Вот оно и дает нам возможность бесплатно помочь ему и увековечить себя.

За это его выступление с хитрым подтекстом, ему чуть было не прибавили ещё два года. Положение спас адвокат, подсунув в суде какую-то нужную медицинскую справку. Да ещё и свидетели помогли. Покрутили пальцем у виска и сказали, что он с детства такой «шалёный».

В примусовке, как называли тогда в народе место пребывания осуждённого, он зря времени не терял – научился играть на гармошке. Пристроился там работать кладовщиком. Сидел себе на складе да на гармошке попиливал. После освобождения он вернулся домой и стал желанным гостем со своей гармошкой на всех гулянках, чем с удовольствием и пользовался. Для него зелёный змий теперь стал дармовщинкой. Пей – не хочу. Но, несмотря на лёгкую доступность к спиртному, он никогда не напивался. Дед любил повторять, - "вино для человеков, а не человеки для вина".

И вот теперь, когда родина оказалась в опасности, дед Никита, несмотря на все препоны военкомата, всё-таки ухитрился пристроиться к какой-то военной части в обоз, как он говорил, «лошадям хвосты крутить». Видно и там гармошка с частушками сыграли свою не последнюю роль.

После военкомата, радостный и возбуждённый он прибежал домой. Схватил свою гармошку под руку, хлопнул стакан самогона, подхватил на плечо сидор и ... гайда из дома. Ни тебе здрасте, ни досвидания.

- Ты, хотя бы с нами попрощался, присел бы на дорожку - укоризненно сказала бабушка Нина.

- А чего там прощаться? Я ж не надолго. Сталин и не таких, как эти немцы повыбивал. Вона скольких маршалов и половину комсостава за короткое время укандохал. А тут, тоже мне - срань какая-то немецкая. Да мы их ..., - прокричал дед с порога петушиным голосом, сжимая руку в кулак.

Кольке даже показалось, что из его сжатого кулака потекло что-то тёмно-красное.

- Чтоб тебе, паразит, типун на языке выскочил. Опять догавкаешься - ответила бабушка, вытирая слезу.

- Не бойся, Нинка, дальше передовой не пошлют.

Но всё же вернулся уже от калитки и присел на табурет. Даже сыграл на гармошке бабушкину любимую «Рябину». А та сразу расчувствовалась, слезу пустила и даже налила ему ещё рюмку.

И вот уже месяц от него не было никаких известий, но бабушка Нина за него не переживала. Правда, всё чаще стала ходить в церковь, ставила свечки во спасение сына и мужа. А на людях говорила:

- Таких, как он, сам чёрт боится.

* * *

Катя, Колькина мама, работала в больнице медсестрой. Её мобилизовали в самом начале войны. Выдали форму, зачислили на довольствие и направили служить в военный госпиталь, который располагался недалеко от их дома. У неё были суточные дежурства. Учитывая большую загрузку госпиталя, ей приходилось часто надолго задерживаться на службе. Возвращалась она всегда поздно и сразу же обессиленная валилась спать.

Фронт быстро разворачивался. Везде шли постоянные бои. В госпиталь поступало много раненых. Коек на всех катастрофически не хватало и их размещали в коридорах, а то и во дворе больницы под укрытием наспех установленных шатров.

Володю, ещё в бурные двадцатые годы, мобилизовали в состав комсомольского отряда и отправили на уничтожение банды Зелёного. Перед отправкой на пристани был митинг и ребята, под воздействием патриотических призывов комсомольских и партийных агитаторов, практически безоружные, с лозунгом «Мы их шапками закидаем!» отплыли на пароходе вниз по Днепру, где орудовала банда. На самом деле

это была не банда, а хорошо организованная и вооружённая группировка. В районе города Триполье Днепр сильно сужается. Оба берега подходят близко друг к другу. Там, по обе стороны реки находилась засада. Бандиты открыли по пароходу шквальный пулемётный огонь. Почти весь отряд погиб.*

*Все суда, проходящие мимо этого места, в память о тех событиях, дают продолжительный гудок.

Спаслись несколько счастливиц, успевших прыгнуть за борт. Среди них был и Володя. Ему посчастливилось доплыть до берега, однако холодные осенние воды Днепра оставили юноше на всю жизнь память о себе – сильная простуда перешла в воспаление лёгких. Лечения тогда практически не было и случилось самое страшное – он заболел туберкулёзом лёгких, по тому времени совершенно неизлечимым заболеванием. Инвалидность - это и была основная причина, по которой его не мобилизовали на фронт.

Дора, как многодетная мать, тоже не подлежала мобилизации. Но они с мужем ежедневно приходили в военный госпиталь, где служила Катя, Колькина мама. Целыми днями они там помогали раненым и медперсоналу. Володя подключался к санитарам, а Дора с небольшой труппой регулярно давали раненым концерты. Часто она организовывала выступления и других артистов. Обе бабушки – Нина и Ида - занимались домашним хозяйством и шумной детской оравой.

Спустя совсем короткое время фашисты были уже недалеко от Киева и госпиталь начали срочно готовить к эвакуации на восток. Колькина мама уговаривала бабушку Нину ехать вместе с ней, но та наотрез отказалась покинуть родной город и оставлять квартиру без присмотра. Бабушка Нина была уверена, как, впрочем, и большинство жителей, что приход фашистов - это ненадолго. После долгих споров, слёз и уговоров бабушка сказала Кате:

- Ты, доченька, человек подневольный, военный и обязана ехать вместе со своими ранеными и помогать им, а мы с Колькой не пропадём. Не волнуйся, Катюша, за нас. Всё-таки дом есть дом, да и от деда и папы будем ждать весточек. Как только прибудешь на место, сразу нам напиши.

На том и порешили. Мама оставила Кольку вдвоём с бабушкой Ниной. На следующий день, под покровом ночи, санитарный поезд отправился на восток.

Глава 4.

Стремительным темпом враг подступал к городу, готовясь к штурму. Советские войска, опасаясь полного окружения, оставили Киев практически без боя. Перед отступлением были заминированы жилые дома, гостиницы и учреждения на главной улице города Крещатике, Успенский собор Киево-Печерской Лавры и ряд других важных объектов. Город как бы вымер в ожидании прихода врага. В течение почти суток безвластия всюду происходили грабежи и мародёрство в ни кем не охраняемых магазинах, учреждениях и опустевших квартирах.

Фото 1. Руины главной улицы города – Крещатик.

Фото 2. Улица Коминтерна. Впереди вокзал.

19 сентября 1941 года фашисты вошли в город на долгие два года. Стены и крыши домов и учреждений "украшились" фашистскими флагами с чёрной свастикой и приказами новой власти. За невыполнение каждого пункта приказа грозил расстрел. В первые дни оккупации, фашисты выселили оставшихся людей из домов на центральных улицах и расквартировали там свой офицерский состав. Расчёт НКВД оправдался. Ночью начали методично взрывать дома. Поднялась паника. Никто не мог предположить, когда и какой из домов взорвётся следующим. Немцы пытались погасить пожары, но в городской магистрали не оказалось воды. Были брошены пожарные шланги в Днепр, но их постоянно кто-то перерезал. Среди населения поползли слухи о том, что в городе действует подпольная диверсионная группа НКВД.

Так были принесены в жертву войне центральный проспект города Крещатик и прилегающие к нему улицы. Практически все они превратились в руины и перестали существовать. Пострадали от разрушений и граничащие с ним районы. Асфальтированные дороги и тротуары скрылись под мусором и обломками кирпичей от разрушенных домов, или были перекрыты патрулями. Были взорваны все мосты через Днепр. Один из них – уникальный цепной Николаевский мост, соединявший город с Трухановым островом. Спустя некоторое время был также взорван Успенский Собор Киево-Печерской Лавры. В городе начались аресты и облавы.

Фото 3. Взорванный цепной уникальный Николаевский мост.

Магазины и столовые не работали. Люди, приехавшие в город погостить, вынуждены были голодать и жить, где попало. Их сразу же арестовывали и отправляли в лагерь, расположенный на окраине города – Сырец. По малейшему подозрению зачастую расстреливали тут же, без суда и следствия.

Фото 4.

Людей хватали прямо на улицах и на базарах, заталкивали в машины и отвозили в лагерь на Сырец. Там же, в Бабьем Яру их уничтожали. Этот зловещий район уже давно облюбовали ещё НКВД и ГПУ для своих кровавых акций в 1930 - 41 гг.

Фото 5.

Тысячи людей были там расстреляны во время репрессий. Туда же бравые последователи Ф. Дзержинского вывозили тела расстрелянных в подвалах нынешнего Октябрьского дворца и других мест, где совершались эти зверские акции. Так что фашисты шли по уже проторенной дорожке. Из Дарницкого лагеря в Бабий Яр привозили машинами военнопленных, для захоронения трупов. Для такой работы, среди них подбирали особенно крепких людей. Не каждый мог выдержать увиденное. Спустя короткое время, после этого их тоже всех расстреливали. Фашисты боялись оставлять свидетелей

Фото 4, 5, 6. Расстрелянные жители города только лишь по подозрению.

В сентябре по всему городу на стенах домов и афишных тумбах появились красочные плакаты с многообещающими приглашениями записываться в полицию. На них были изображены здоровые, мордастые и улыбающиеся во весь рот парубки в новой полицейской форме с жёлто-голубыми повязками на рукаве. В конце сентября, рядом с красочными призывами в полицию, было расклеено 2 000 экземпляров распоряжения новой власти. Для многих жителей города этот приказ прозвучал, как страшный приговор:

ПРИКАЗАНО *

Всем жидам города Киева и его окрестностей собраться в понедельник дня 29 сентября 1941 года в 8 утра возле улиц Мельникова — Докторовской (около кладбища). Все должны забрать с собой документы, деньги, бельё т.п.

Кто не подчинится этому распоряжению – будет расстрелян.

Кто займёт жидовскую квартиру или разграбит их имущество - будет расстрелян.

*Газета «Крещатик» от 29 сентября 2001 года.

Мало кто предвидел последствия этого короткого приказа. В то время сведения о массовых расстрелах евреев, на территориях государств, оккупированных фашистами, до Киева ещё не дошли. Среди жителей города поползли слухи о том, что евреев будут переселять куда-то на другие земли или даже ещё лучше - в Германию. О расстрелах никто ничего толком не знал. Многие завидовали им и тоже хотели бы уехать в Германию на заработки, о чём всю трубила фашистская пропаганда. Вначале войны так оно и было. Особенно на Украине – многие молодые стремились уехать (и уезжали добровольно!) в Германию на заработки. Уже потом, спустя некоторое время, начали поступать весточки из Германии, о том какие там "заработки" и какая там каторга. Писали о том, что немцы к домашним животным относились лучше, чем к "низшей расе" из востока. За малейший проступок, могли избить палками, а то и расстрелять.

Глава 5.

Поздно вечером обе семьи собрались на кухне. Колька и Антоша возились на полу со своими игрушками. Старшенькая, Лиза, с очередной книгой в руках, пристроилась возле ещё не остывшей печки. Семёнчик довольно чмокал соской в своей кроватке. Взрослые – бабушки Ида и Нина, Володя и Дора сидели молча за столом. Завтра Иде и Доре, согласно распоряжения властей, надо было идти на сборный пункт. Уже сегодня необходимо принимать решение: как быть? Молчаливую обстановку нарушила бабушка Ида:

- Мы не должны нарушать приказ новой власти. В конце-концов, немцы это культурная нация, – выразила она своё мнение. - Так мы таки да, будем жить в Германии. Сейчас туда едут тысячи людей.

- Что ты говоришь, Идочка? – возмутилась бабушка Нина. – Кто туда может ехать добровольно? Разве что какие-то байдуки?

- Но они же написали, чтобы люди брали с собой тёплые вещи и драгоценности. Это очень похоже на переселение, - не унималась баба Ида.

- Кому ты веришь, Идочка? Ты только посмотри вокруг себя. На улицах валяются не захороненные люди, расстрелянные в назидание другим. В конце концов, ты подумала о детях, о Володе? А грудной Семёнчик?

- У меня нет веры к тем, кто начал вероломную войну. Ещё вчера они учились в наших военных академиях, а сегодня они уже наши завоеватели. Такого быть не может, - рассудительно произнесла Дора.

- Когда всё закончится, а это, я уверена, продлится недолго, мы вернёмся назад и будем опять все вместе, - слабо возразила Ида.

- Мама, ты как хочешь, а я больного Володю одного с детьми здесь не оставлю, - со, свойственной для неё пылкостью, заявила Дора. – Я не поеду ни в какие Германии.

Володя молча сидел за столом, наклонив голову. Впервые в жизни ему пришлось столкнуться с разделением людей на нации. До этого вопрос национальности в его семье никогда не поднимался. Никто из них не задумывался о том, кто есть кто. Даже тогда, когда у них родились дети, то не стоял вопрос, какую указать национальность. В метриках записали национальность по отцу, как тогда было принято, украинцами. Он очень любил свою жену и детей. Это чувство даже как-то придавало ему силы бороться со своим тяжёлым недугом. Володя никогда не задумывался над тем, кто по национальности его жена. И вот теперь коричневая чума фашизма пыталась влезть грязным сапогом в чистые любящие сердца Володи и Доры. Его поставили перед выбором. Он поднял голову, обвёл всех взглядом и произнёс:

- Я обратил внимание на то, что это распоряжение без подписи. Мне непонятно, кто написал эту филькину грамоту? Кто издал этот приказ?

Затем встал и, что для него было совсем необычным, шарахнул кулаком по столу и решительно заявил:

- Вы никуда не пойдёте! Я вас не отпущу. Мы не будем подчиняться приказам власти, которой не существует.

- Правильно, - сказала Колькина бабушка, - а завтра я вас спрячу в своей комнате, на антресоли. У меня никто проверять не будет. Мой Микитка числится как судимый за политику. Он теперь у них вроде бы как свой. Хоть какой-то толк будет от его болтовни и частушек.

- Но они же заберут детей! – с ужасом сказала Ида.

- Нет, детей не заберут, - возразил Володя. - В метриках у них записано, что они по национальности украинцы.

На том и порешили.

Глава 6.

В назначенный день нескончаемый поток евреев заполнил улицы, ведущие на Сырец. Люди шли пешком, двигались на подводах с разных районов города – с Подола, Печерска, Святошино, Бесарабки. Шли, нагруженные домашним скарбом, таща за руки маленьких детей. Некоторые везли на ручных тележках своих престарелых родителей и инвалидов. Процессия напоминала какой-то ужасный исход. Это были, в основном, пожилые мужчины и женщины, матери с детьми. Молодых мужчин почти не было. Они были на фронте. Многие семьи шли добровольно, но некоторых полицаи поторапливали, выгоняя из домов. Они шли навстречу своей неизвестной судьбе, в дальний и неясный путь, роняя последний взгляд на родные места.

Жители города стояли на тротуарах вдоль улицы. Кто-то встречал в колонне своих знакомых и прощался с ними взмахом руки. Многие, кто уже успел убедиться в немецкой «доброте», догадывались, чем может закончиться этот исход. Они с жалостью, не в силах помочь, смотрели на проходящую толпу и молча вытирали

слёзы. Некоторые откровенно завидовали обещанному евреям немецкому «раю». Были и такие, которые злобно сверкали глазами на идущих, не скрывая своего злорадства и ненависти к ним.

*

*

Что руководило этими людьми, которые покорно брели в свой последний путь? Слухи о переезде в другие земли? А может быть то, что они ожидали отправки в сытую Германию? Но ведь это же были только слухи! Неужели же столько тысяч человек могли поверить каким-то сплетням? В приказе не было ничего зловещего. Просто, приказали «... всем жидам взять тёплые вещи, документы и драгоценности». Вот поэтому и возникли слухи, будто бы их будут вывозить из города. Куда? Никто не знал. Ведь поведут на станцию Сырец, а в словах «станция, поезд» ничего страшного и зловещего нет. Другие рассуждали так, «... немцы – цивилизованная и культурная нация, у них даже язык похожий на наш идыш. Скорее всего, нас будут вывозить из города для обмена на военнопленных». В состоянии обречённости, человек всегда цепляется за соломинку, надеясь на чудо.

Почему эти тысячи людей сами пришли на место казни? Могли ли они не прийти?

По последней переписи, в Киеве перед началом войны числилось около 800 000 человек. В основном, все жили в коммунальных квартирах. Те, кто когда-нибудь так жил, знают, что скрыть что-либо от соседей, невозможно. Все они знали друг о друге абсолютно всё, даже что у кого было на завтрак и на обед, а кто ложился спать без ужина. Кроме этого, все жильцы были на государственном учёте по домовым книгам, о чём многие даже и не подозревали. Все домовые книги, в основном, сохранились. Полиции ничего не стоило выписать из них пофамильно всех евреев, свериться со списком явившихся добровольно, а остальных вызвать повестками.

Но и это были ещё не все методы слежки. В каждом дворе были дворники. Ещё до войны во время Советской власти, (в принципе, такой порядок существовал всегда) при оформлении на должность, с ними проводили беседы в соответствующих органах, и только после этого им предоставляли работу и жильё. Некоторые из них, кто выполнял особые поручения, получали к своей основной зарплате в домоуправлениях, дополнительную оплату от своих "работодателей". Такие «льготы» надо было отрабатывать. В их функции входило не только чистить асфальт, но и «приглядывать» за жильцами, а также доносить на них.

У советской власти было много грехов, но не антисемитизм. В Киеве перед войной было 33 еврейских школы, еврейское отделение в театральном институте и даже еврейский трамвайный техникум. Советская власть отменила черту оседлости, декларировала равные права, поддерживала национальную культуру. Никто не догадывался, как это может быть использовано. Накануне «переселения» дворникам было приказано составить списки евреев, и они, тысячи дворников, их составили. Это было совсем несложно. Некоторые соседи тоже не сидели сложа руки. Почти во всех воспоминаниях выживших, — «на нас показал дворник», «нас выдала соседка». Доносов о евреях поступало столько, что сотрудники не успевали реагировать. Помогали местные полицаи, а также специально прибывший в Киев "Буковинский Курень" из Черновцов. В спорных ситуациях решали судьбу человека два слова. Эти слова — «похож», «не похож» — были самыми страшными в те дни. Они обозначали границу между жизнью и смертью.

«Уходи, ты не похожа», — кричали родители Дине Проничевой, самой известной из спасшихся в Бабьем Яру, когда уже стало ясно, на какой «поезд» их всех посадят.

Во все времена - подлости и жертвенности было всегда поровну: Было такое, что украинские и русские мужья шли в Бабий Яр вместе со своими женами-еврейками — и наоборот. Почти 600 киевлян — украинцев, русских, всего 13 национальностей, во время всей оккупации прятали евреев. Они выдавали их за своих, подделывали документы, крестили, выхватывали из идущей толпы детей. Таких спасённых в Киеве около тысячи. А ведь при обнаружении укрыватели вместе с жертвами подлежали расстрелу.

Вначале сопровождавшие колонну полицаи проявляли доброжелательность и даже помогали пожилым нести их вещи. У Фёдоровской церкви стояли эсэсовцы в

зелёных мундирах с черепами на рукавах и пилотках, с автоматами через плечо. Они останавливали подводы и тележки и заставляли людей оставлять здесь своё имущество. Часть его тут же раздавали провожающим и знакомым.

По мере приближения к зловещему месту конвой начал усиливаться. В воздухе резко запахло сапожной мазью, чесноком и перегаром. Толпу начали оттеснять от улицы, ведущей на станцию Сырец, и направлять к Бабьему Яру. Дружелюбие полицаев исчезло, они стали покрикивать на людей, сжимать их в плотную массу. После поворота на железнодорожную станцию колонну евреев взяли в окружение дополнительные два батальона немецкой полиции. Эти уже не церемонились с людьми. В ход пошли приклады карабинов и штыки. Так обычно загоняют скотину в выгородку. А чего там церемониться! Можно же безнаказанно поиздеваться. Немецкая полиция знала, что это уже не люди и жить им осталось совсем немного. Уже тут пролились первые капли крови.

Чем ближе они подходили к Бабьему Яру, тем слышнее и отчётливее раздавалась немецкая ругань, ружейная пальба и длинные пулемётные очереди, по которым стало понятно, что там происходит. Но возврата назад уже не было. Евреев плотно окружили головорезы немецких полицейских батальонов и зондеркоманды СС.

Людей начали устанавливать в коллоны по сто человек. Затем каратели вели их по Лукьяновскому шоссе мимо Сырецких лагерей к Бабьему Яру. Первая колонна становилась у крутого обрыва. Всех заставляли раздеваться догола. Одежду аккуратно складывали в штабеля. Каждые десять минут сюда же подъезжали крытые пятитонные грузовики. Из них выгружали приговорённых на расстрел. Затем в кузов загружали вещи убитых и увозили на Некрасовскую улицу в здание школы №38, где располагался Центральный вещевого склад. Там вещи сортировали. На первом этаже складировали продукты, которые обманутые люди взяли с собой в дорогу – консервы, масло, сахар, мёд, хлеб, колбасу. На втором этаже – бельё. На третьем – верхняя одежда. На четвёртом – наиболее ценные вещи. Здесь лежали отрезки дорогого сукна, шубы, золотые часы, кольца, перстни.

Носильные вещи со склада отправляли на дезинфекцию в баню, расположенную на улице Жилианская, а оттуда на вокзал и в Германию.

Кроме грузовиков, к школе постоянно подъезжали легковые машины с эсесовскими офицерами и офицерами гестапо. Они, как истинные хозяева, сразу же поднимались на четвёртый этаж и брали всё, что им заблагорассудится.

Так продолжалось два года. От Бабьего Яра до школы № 38 на улице Некрасовская всего лишь десять минут езды. Но понадобится тысячелетие, пока человечество забудет этот позорнейший путь фашистов! "**

* из воспоминаний очевидца. "Еврейская газета" сентябрь, 2007 год.

* * *

Голых людей подводили к краю пропасти и по команде расстреливали. Матери, пытаясь спасти детей, заслоняли их, бросали в Яр, надеясь на то, что они сумеют как-нибудь выжить.

Убийства проводились весь световой день. Ночью палачи, одурманенные шнапсом, спали, а всех, кого не успели уничтожить в течении дня, загоняли в пустующие гаражи. Трупы сбрасывали в Яр, а вечером динамитом взрывали края обрыва и землёй засыпали их и тех, кто ещё был жив. Утром расстрелы продолжались.

Из Дарницкого лагеря в Бабий Яр привозили машинами военнопленных, для захоронения трупов. Для такой работы, среди них подбирали особенно крепких людей. Не каждый мог выдержать увиденное. Спустя короткое время, после этого их тоже всех расстреливали. Фашисты боялись оставлять свидетелей

Уничтожение евреев в Бабьем Яру 29 и 30 сентября 1941 года проводила специальная расстрельная айнзатцкоманда 4-А под командованием штандартенфюрера СС Пауля Блобеля, усиленная 303-м и 45-м немецкими полицейскими батальонами. Им помогал отряд охранной полиции, сформированный из коллаборационистской нечисти, головорезами "Буковинского куреня" и криминального отребья, подобранного немецкими спецслужбами в первые дни оккупации. Эти полицаи отличались особой жестокостью по отношению к мирному населению.

Такая неслыханная жестокость была цинично приурочена фашистами к траурной дате у евреев – Судному Дню.

Из донесения Пауля Блобеля начальнику службы безопасности рейха от 7 октября 1941 года:

«Совместно со штабом айнзацгруппы «Ц» и двумя подразделениями полицейского полка «ЮГ» зондеркоманда 4-А казнила 33 771 еврея 29 и 30 сентября. Золото и драгоценности, бельё, одежда – сохранены. Акция прошла спокойно, инцидентов не возникало. Население одобрительно отнеслось к переселению евреев в другое место. То, что они ликвидированы, вряд ли стало известно».*

*Газета «Крещатик» от 29 сентября 2001 года.

Но люди уже начали догадываться. По городу поползли зловещие слухи. Многие в это не верили и расценивали как сплетни. Некоторые даже завидовали евреям, которым так повезло вырваться из голодного города.

* * *

Глава 7.

Бабушка Нина спрятала Иду и Дору у себя в комнате на антресоли. Там, под самым потолком, для них были устроены две небольшие постели. Через открытую форточку поступал свежий воздух. Вход туда она заложила старыми вещами и чемоданами. Лестницу втягивали на антресоль и там прятали.

Так прошло несколько дней. Облавы прекратились. Люди начали потихоньку выползать на улицу. Чутко озираясь по сторонам, они пробирались на базар, где можно было ещё что-то купить или обменять кое-какие оставшиеся вещи на необходимые продукты. Но самое главное – там можно было встретить знакомых и поделиться с ними новостями.

Однажды утром в парадном по каменным ступенькам загрохотали сапоги. Постепенно топот стал перемещаться к их двери. В квартире установилась напряжённая тишина. Даже дети прекратили возню и замерли. Раздался резкий звонок. Бабушка Нина, как была, в переднике, вышла в коридор и молча, не спрашивая, кто там, распахнула дверь. На пороге стояли два полицейя. Один из них заглянул в список, и его толстый палец остановился на номере их квартиры:

- На этой жилплощади числятся две еврейки, которые добровольно не явились на сборный пункт. Где они?

- А я ж откудова знаю, где они? – как-то странно коверкая речь, удивлённо спросила бабушка Нина. - Шо я, пастух вашим явряем, чи шо? Утром снялись и потащили свои клумки, а куды – разве ж я знаю? И Володька за нымы побёг, як той чокнутый. Ему, наверное, тоже в Неметчину захотелось. Нам так даже и не сказали, куда они подались. Наверное, побоялись, шо и мы за ними попрёмся.

Затем она начала присматриваться к полицейю:

- А ты, случайно, не Гришак, покойного Захара сынок?

Полицей поднял глаза от бумаг:

- О! Баба Нина, це ты? А где дед Микитка?

Потом повернулся к другому полицейю:

- Це ж баба Нина, жена Микитки-гармониста, того, що був на Беломорканале за политику.

- Та той старый чёрт, - сказала бабушка, - с самого початку схватив свою гармошку и куда-то подался. Мабуть, сблеску. Вот уже скоро месяц как его нету. Мо, к вам побёг? Як встретишь, то скажи ему, щоб домой, паразит проклятый, и не появлялся, бо прибью як того гада. Вин мне знает, я шутить не буду!

- Да вроде у нас его нету. Я его не бачив. Вдруг появится, передай, хай приходит до нас.

- А паёк дадут ему, чи ни?

- Дадут, обязательно дадут, ще й форму и мыло получит.

- Как появится, то передам - закивала она головой.

Полициаи развернулись и потопали сапогами на другой этаж.

- Гриша, - тихонько позвала бабушка и близко подошла к нему, - мо, б ты, той, и нас записал бы на Неметчину? Чи туда токо явреев беруть?

Гришак повернулся к бабушке и тихо сказал:

- Сиди, баба Нина, где сидишь. Те, кто в Бабьем Яру, уже свою Ниметчину получили. Нема больше их. Все они остались там лежать.

От сказанного бабушка Нина оцепенела, - Господи, Царица Небесная, - пробормотала она, - прости душам невинно убиенных грехи тяжкие и прогрешения вольные и невольные, и помилуй их грешных, - потом развернулась и пошла в квартиру, продолжая бормотать и неистово креститься, - покарай аспидов проклятых за невинно пролитую кровь рабов твоих.

Полициаи ушли, а бабушка Нина на ватных ногах еле добралась до комнаты и свалилась на диван. Володя прибежал со стаканом воды и дал ей попить. Ида и Дора выползли из тряпок, спустились с антресоли и бросились к ней:

- Что случилось? Что они сказали?

Бабушка обвела всех затуманенным взглядом, затем опять попила водички и остановила глаза на Иде:

- Вот так, Идочка. Эта твоя «культурная» нация пересстреляла в Бабьем Яру всех евреев, которые туда сами и поприходили, прочитав на столбах оту филькину грамоту.

А немцы и полициаи настырно и скурупулёзно продолжали по доносам и домовым книгам отслеживать евреев, уклонившихся от явки по приказу. Отлавливали их и вывозили в Бабий Яр на уничтожение.

Фото 7. Форпост на улице. На тротуаре немцы обыскивают прохожих.

Глава 8.

Время тянулось медленно. Город опустел. Редкие прохожие спешили закончить свои дела до комендантского часа и незаметно проскользнуть по улицам, покрытым битым кирпичом и мусором. Стараясь не попадаться на глаза патрулям, они поспешно ныряли в подворотни и переулки, избегая выходить на открытые места. Бабушка Ида и Дора безвылазно сидели у бабушки Нины в комнате, готовые в любой момент забраться на антресоль. самого маленького, годовалого Семёнчика, Дора кормила грудью. Володя, как мог, занимался детьми. Школа не работала и ему в этом нелёгком деле помогала старшенькая Лиза. Она читала Антоше и Кольке детские книги, пытаясь

научить их освоить азбуку. Они с удовольствием слушали её чтение, рассматривали картинки, но от обучения уваливали.

Фото 8. Облава на базаре.

Видно, что для освоения науки они ещё не доросли. Оба больше всего любили возиться со своими игрушками. Для них ничего другого не существовало. Они потихоньку пытели, вырывая друг у друга почему-то обязательно понравившуюся обоим игрушку. Если возня угрожала перейти в драку, Володя подходил к ним и молча рассаживал их в коридоре на сундуки. Вскоре мир между ними восстанавливался. Было бы так и у взрослых! А взрослые, о чём бы ни говорили, но разговор начинался и заканчивался одним – Бабий Яр...

Фото 9. Облава на базаре.

Фото 10. Захоронение убитых.

Прошло несколько дней. Никто их не беспокоил. Появилась слабая надежда на то, что всё потихоньку забудется и благополучно закончится.

Кто же мог знать, что дворнику их дома уже давно, ещё с довоенного времени, приглянулось Дорочкино пианино. Ему очень хотелось научиться играть на нём гопака, особенно, как выпьет – ну, просто, невтерпёж! Долго ходил он кругами и видно, всё-таки, что-то заметил через занавески. А может, как-то по-другому прознал, что в квартире прячут еврейских женщин. Пошёл он, сердешный, в полицию и очистил там свою продажную душонку, - мол, как же так, всех евреев забрали, а эти две остались. Непорядок, надо исправлять упущенное, подчищать! Там среагировали быстро.

Утром Володя открыл почтовый ящик и увидел там какой-то листочек. Взял он его в руки - и как змея ужалила! Это была повестка о добровольной явке бабушки Иды и Доры в Полицейскую управу. В случае неповиновения их доставят под конвоем.

Фото 11. Бабий Яр. Справа – обрыв, куда подводили евреев на уничтожение.

Фото 9. Бабий Яр. Военнопленные, которых привезли из Дарницкого лагеря, для захоронений расстрелянных.

Не забыли, и благополучно не кончилось! У зверей аппетит только разгорелся. Что было делать? Не явиться? Придут сюда и заберут вместе с детьми. В повестке была указана дата на завтра. О детях в ней ничего не было сказано, значит, дети останутся дома, с Володией. Собрались бедные женщины, посидели, поплакали. Покормили детей и уложили их спать.

Фото 12. Бабий Яр. Расстрельный обрыв.

Фото. 13. Мародёр.

Глава 9.

Дору и маму Иду забрали, именно забрали, а не арестовали, в тот же день поздно вечером. Семья только собралась к столу на скудный ужин. Неожиданно в дверь загрохотали чем-то тяжёлым. Потребовали открыть немедленно, иначе пригрозили взломать замок. О том, чтобы спрятаться, не могло быть речи. Единственное, что успели – закрыть детей в комнате бабушки Нины, строго приказав им сидеть молча.

Фото 13. 14. Фашистские мародёры.

Пришлось открывать. В коридор вошли два полица, не здороваясь, наполнив воздух запахом сивухи и махорки. Старший из них, потёр остывшие руки, подышал на них и полез во внутренний карман шинели. Вытащил смятую бумажку, расправил её в руках:

- Которые тут будут, - он приблизил бумажку поближе к лампе и по слогам прочитал, - Лорман Дора и Лорман Ида ?

Дора, в душе давно уже ожидавшая этого часа, встала и произнесла спокойным голосом:

- Я Лорман Дора.

Ида, вся изменившись от страха, сгорбилась и чуть слышно прошептала:

- Я, Лорман Ида, её мама, - показывая на Дору, вроде это могло что-то изменить.

- Собирайтесь, пойдёте с нами, - хриплым, с перепоя голосом, сказал старший.

Володя резко вскочил из-за стола, чуть не задев керосиновую лампу головой:

- За что, на каком основании? Вы не имеете права! Мы только сегодня получили повестку и завтра утром, как там указано, собирались явиться по указанному адресу.

- А мы специально пришли сегодня, а то бы завтра и след ваш простыл, - злобно сказал старший. - Уже один раз вам было сообщено приказом на каждом углу, так вы не явились.

- Теперь пойдёте с почётом, под конвоем, - захихикал молодой.

Володя вспыхнул и хотел ещё что-то сказать, но Дора посмотрела на него и тихонько, но не терпящим возражения тоном, шепнула ему в ухо:

- Володя, не надо. Дети.

А те спрятались у бабушки Нины в соседней комнате и сидели тихонько как мышки, чувствуя опасность. Володя, сразу же как бы сник опустил голову и сел.

Полицаи, не понимая претензии какого-то умника, переглянулись между собой и засмеялись:

- Какое вам ещё треба основание, - вмешался молодой полицай, - вы приказ читали или нет? Усе нормальные евреи пришли и уже давно..., - затем под взглядом старшего быстро замолчал и со злостью произнёс, - ... вывезены в Германию. А тут, ... таскайся за вами по ночам.

Старший, чтобы замаять оплошность молодого, сказал:

- Оденьтесь потеплее, возьмите продуктов на три дня. И побыстрее, - начал сворачивать сигарку, как бы давая им возможность собраться за время выкуренной сигареты.

А что было собирать? Всё и так уже давно было собрано. Несмотря на все старания бабушки Нины спрятать их, все ждали этого момента. Ведь из города уехать было невозможно. На всех дорогах, стояли заставы. Дора и Ида простились с Володей и бабушкой Ниной. Даже к детям не зашли, опасаясь за них. Так они и остались в комнате, даже не увидев в последний раз маму и бабушку.

Володя и бабушка Нина вышли проводить их. На улице, окутанной осенней непогодой, не было ни души. В сопровождении конвоя, бедные женщины, еле переставляя ноги в стоптанной обуви, плелись в окружении двух полицаяев.

Только после прихода в Полицейскую управу их арестовали, зарегистрировали и обыскали. Забрали всё, что на их взгляд показалось ценным, и сразу же поместили в камеру. Там уже находились около тридцати таких же несчастных женщин и детей. У кого было место, тот спал, если это можно назвать сном. Другие ютились на полу на каких-то тряпках. Изредка просыпались дети, оглашая помещение камеры хриплыми со сна голосами. Матери, кое-как успокаивали их. Кто-то перешёптывался с соседкой. Кто-то всхлипывал. Женщина с маленьким ребёнком на руках молилась на идыш и что-то вымаливала у Бога, то ли прощения грехов, то ли помощи. А может быть, просила Его спасти своего малыша? Её судьба была ей уже безразлична, а ребёночек-то ещё и не пожил? В чём его вина? Пока что он спал и не догадывался о своей участи.

Глава 10.

Дора с мамой постелили старое пальто на дощатый пол и уселись на него, прижавшись друг к другу. Спать совсем не хотелось.

- Дора, - тихо прошептала Ида, - что с нами будет? Мне страшно.

- Что бы с нами ни было, главное, что дети, пока что, слава Богу, находятся в безопасности и со своим родным отцом. Они Володю не тронут.

- Мы должны сказать о детях. Если нас увезут в Германию, то мы не можем их оставить здесь.

В отличие от мамы, Дора прекрасно понимала, что никто их и никуда дальше Бабьего Яра не повезёт. Но она щадила большое мамино сердце и не могла ей об этом говорить:

- Конечно, мама. Скажем обязательно, но до поры до времени об этом нельзя даже упоминать. Неизвестно, как всё дальше обернётся.

И затем повторила с несвойственной ей суровостью:

- Ты поняла, мама? Не смей говорить о детях ни с кем абсолютно. Ни с кем!
- Но как же мы их оставим? – не унималась пожилая женщина.
- Ма-ма! – прошептала Дора, и демонстративно отодвинулась от неё.

Такой суровый тон из уст всегда сдержанной дочки она услышала впервые. До неё начало доходить серьёзность их положения. Мысли об отправке их Германию понемногу начали вытесняться из головы. Она вспомнила слова бабушки Нины об участии тех евреев, которые сами же явились, согласно приказа, и ей стало страшно. Склонив голову, она начала потихоньку плакать. Доре стало жалко её. Она опять прижалась к ней и стала нежно и успокаивающе гладить её по плечу. «Пусть немножко поплачет, - подумала она, - выйдут первые слёзы, душе станет легче и она будет меньше страдать». Так, обнявшись, они и просидели молча почти всю ночь, думая каждый о своём. Только на рассвете они забылись в какой-то полудрёме.

Рано утром их разбудил скрежет открываемой камерной двери, сопровождаемый грубым, хриплым голосом:

- Подъём!

В проёме двери стоял здоровенный полицай. Рядом с ним двое заключённых, одетых в какое-то рваньё, держали за ручки большую кастрюлю:

- Пани евреи, чай подано, - издевательски сказал полицай.

Заключённые внесли в камеру кастрюлю, наполовину заполненную чем-то окрашенной водой. Над кастрюлей поднимался лёгкий парок. Всем выдали по маленькому кусочку невыпеченного хлеба.

Ида подошла к полицаяу и тихонько спросила:

- Нас привели сегодня ночью и мы не знаем, где туалет.

- Дак вот же он, - загоготал полицай, показывая рукой на грязную брезентовую шторку в углу. – Звыняйте, еси шо не так. У нас люксов нету.

За шторкой стояла такая же кастрюля, в которой им принесли чай, только другого назначения. Женщины, переборов в себе отвращение и стыд, вынуждены были воспользоваться этой посудой.

Жидкость, которую они получили как чай, даже близко его не напоминала. Это была просто тёплая вода коричневого цвета. Дай Бог, чтобы она была хотя бы кипячёная. Пожевав вязкого полусырого хлеба, они запили его чуть тёплым чаем.

* * *

Жизнь в камере потихоньку пробуждалась. Послышались детские голоса. Кто-то капризничал, кто-то хныкал, требуя чего-то от мамы или бабушки. Две девочки громко сорились, забирая друг у друга какую-то игрушку. Некоторые женщины начали разворачивать свои узелки, доставая оттуда какую-то скудную еду.

Дора и мама поняли, что эти люди уже давно находятся здесь и им даже приносят из дому передачи. Постепенно они познакомились с некоторыми своими соседками по камере. При более близком знакомстве с ними они узнали, что почти все они были арестованы по доносам соседей, которые посягали на их жильё, ценности или мебель. Некоторых схватили на улице. Были и такие, как они - о том, что они прячутся, донесли дворники. Мужское отделение находилось где-то рядом. Свиданий не разрешают. Слава Богу, хотя бы изредка разрешают передачи. Если у кого-то в городе есть друзья или хорошие знакомые, то они немного помогают. Что будет дальше – никто не знает. Все молча ожидают своей участи. Дела их ведёт какой-то следователь украинец. Отзывы о нём положительные. Он сочувствует арестованным. Многим пытается помочь и даже денег не требует. Говорят, что он состоит в Организации Украинских Националистов. Когда в камере набирается много людей, их куда-то увозят. Слухи ходят разные. Одни предполагают, что везут на железнодорожную станцию Сырец и куда-то отправляют. Другие утверждают, что прямым ходом в Бабий Яр. А там участь у всех одна – расстрел.

Глава 11.

Дни в камере тянулись медленно. Каждый день под конвоем полицаев вводили по несколько человек. Больше их никто никогда не видел. Дора с мамой перебрались на освобожденные верхние нары и ютились там вдвоём. На дощатые полаты были

брошены какие-то матрацы, спрессованные до толщины рубероида. Зато теперь у них была хоть какая-то возможность поспать. Дора мужественно переносила все невзгоды камерной жизни. Мысли её постоянно были заняты одним – что с детьми? Двое суток она вообще не могла уснуть. Стоило её только закрыть глаза и перед ней проносились видения: лица её детей, испуганный, затравленный взгляд мужа. За ночь её удавалось поспать два-три часа. Остальное время она, просто, не могла сомкнуть глаз, боялась кошмаров. Ей всё казалось, что дети тоже арестованы и находятся где-то рядом. Иногда, проваливаясь в глубокое забытьё, она вдруг слышала требовательный плач проголодавшегося Семёнчика. Очнувшись, она поняла, что это плакал ребёнок у сидящей рядом на нарах женщины. Затем, она вдруг вспомнила, что у Лизы на зиму пальто уже не годится, а у Антоши ножка выросла и ему срочно нужны тёплые ботинки. Вспоминала последний взгляд больного мужа. Это был взгляд человека, измученного постоянным ожиданием ареста и неизвестности. Её угнетало чувство беспомощности, но она старалась держаться, как только могла держаться в её тяжёлом положении. Ведь рядом с ней ещё находилась больная мама. Для её пожилого возраста такое потрясение пережить было очень сложно. Дора постоянно пыталась отвлечь её. Затевала разговоры о их жизни в Черновцах, о знакомых и родственниках. Старалась, хоть чем увести в благоприятную сторону мысли пожилой женщины, и таким образом, хотя бы как-то скрасить её тяжёлое положение. Этим самым она тоже немного отвлекалась от своих угнетающих мыслей. Ко всему прибавилось ещё одно, - Доре приходилось каждый день, прячась за маму под пальто и сцеживать молоко. Она боялась, как бы не заметил кто из полицаев. Она сразу же попала бы под подозрение, что у неё остался ребёнок. Поначалу Дора пряталась и от соседней по камере, но оказалось, что скрыть это невозможно. Пятна на груди платья выдавали её.

Ежедневно камера пополнялась новыми арестованными. Полицаи грубо, с пошлыми прибаутками, заталкивали их в камеру, и они испуганно жались к стенке, привыкая к тусклому освещению. Сидящие на полу женщины, как могли, раздвигались, уступая им хоть какое-то место, пытаясь помочь несчастным. Одну из них, совсем молоденькую маму с двухлетним ребёнком, Дора с мамой поместили у себя на нарах. Теперь они могли спать там только по очереди. Молодую маму звали Циля. Она рассказала, что муж её с первых дней мобилизации на фронте. Вначале, когда издали приказ, они, как и все, начали собираться для отправки. Уже были сложены все вещи. Договорились со знакомыми присмотреть за квартирой.

Их сосед, Игорь, близкий друг мужа Циля, не был мобилизован в армию. Ещё до прихода фашистов он был арестован из-за какой-то сказанной им глупости по поводу правительства и находился под арестом в тюрьме. Тогда таких было очень много. Когда в Киев вошли фашисты, они освободили многих политических заключённых и мобилизовали их в полицию, как пострадавших от произвола советской власти. Узнав о том, что Циля и её родители завтра собираются идти на сборный пункт, он пробрался к ним под прикрытием темноты и рассказал, что их ожидает завтра, если они туда придут. Родители не поверили ему. Они, зная о том, что Игорь служит в полиции, боялись провокации с его стороны. Циля знала Игоря много лет, училась с ним в одном классе и верила ему. Вдобавок, слухи о расстрелах евреев в Бабьем Яру уже начали разноситься по городу. В семье возникло разногласье. В конце концов решили так - родители идут на сборный пункт, а Цилю с ребёнком на какое-то время Игорь спрячет у себя. Время исчислялось уже на минуты. Выбора не было. Циля простилась с родителями. В тот же вечер Игорь увёл её с ребёнком и поселил их в комнате своих знакомых на окраине города, которая пустовала после эвакуирования. С тех пор она совсем не знает, что произошло с её родителями. Долго скрываться Цилю не пришлось. Как-то раз, она вышла из дома на базар, чтобы поменять кое-какие вещи на продукты, и кто-то её узнал. Под утро, следующего дня, её и двухлетнего сынишку, арестовали полицаи. Они допрашивали её в присутствии ребёнка. Её пообещали отпустить вместе с сыном, если она ответит на вопросы: каким образом она попала в пустующую комнату и кто её там прятал? Циля была в отчаянии. Дора с мамой, как могли, уговаривали её не выдавать Игоря:

- Послушай, доченька, - уговаривала её Ида, - твой Игорь настоящий друг. Он совершил мужественный поступок. Будучи полицаем, хотя и не по своей воле, он пытался спасти всю вашу семью от гибели.

Циля, закрыв руками лицо, плакала.

- Если ты сдашь Игоря, то этим ты ничего не изменишь. Погибнете все, - сказала Дора. – Но, если ты будешь настаивать на том, что ты случайно попала в открытую квартиру. Допустим, был дождь, и ты с ребёнком оказалась рядом с этой квартирой. Дверь была открытой и ты зашла туда, чтобы спрятаться от дождя, переодеть ребёнка, в конце-концов. Ответить за это придётся, но зато Игорь будет жив и кто знает, сколько людей он сможет ещё спасти.

На всех последующих допросах Циля только это утверждала. Что с ней случилось дальше, уже никто не знает.

Глава 12.

Спустя две недели в камеру вошёл в сопровождении переводчика офицер гестапо. Всем было объявлено, что они переводятся в другое место. Куда, не сказал. От двери камеры до выхода их ожидал коридор выстроившихся в две шеренги под стенами охранников с собаками. По узкому проходу между ними начали выгонять испуганных женщин, детей и загружать в крытые грузовики.

Натасканные на заключённых собаки рвались из поводов, нагоняя ужас на несчастных людей. Многим достались укусы разъяренных животных.

Поездка в крытом грузовике, забитом полностью женщинами и детьми, продолжалась недолго. По её длительности Дора поняла, что их привезли в дом уже давно имеющий среди людей дурную славу. Этот дом ранее принадлежал Управлению НКВД. Теперь там с успехом хозяйничало гестапо. Здание находилось на улице Короленко, совсем рядышком с её домом. Надо было только пересечь улицу Ирининскую и спуститься по лестнице. Но,...близок локоток ...

Урча, машина заехала в тесный двор и их всех погнали через такой же живой коридор гестаповцев с собаками. Опять повторилась анкетная проверка, обыск. Через некоторое время Дору вызвали для уточнения, как ей сказали, анкетных данных. Конвоир завёл её в кабинет. Возле окна стоял мужчина в форме офицера гестапо. Свет из окна падал на него и Дора успела рассмотреть его красивое холёное лицо, на котором была гримаса ненависти и презрения. К её удивлению, тот обратился к ней на сносном русском языке. Видно, прошёл хорошую подготовку для работы с будущими русскими арестованными:

- Надеюсь, вам понятно, что вы арестованы? – спросил он.

У Доры поплыло всё перед глазами. Она еле удержалась, схватившись рукой за стенку:

- Я не понимаю, за что нас с мамой арестовали.

- Сколько ты заплатила следователю Иванченко за обещание освободить вас?

Дора была удивлена его вопросом, но виду не подала. «Это он, наверное, интересуется тем следователем из ОУН, о котором ей рассказывали в камере. Значит, его арестовали, и поэтому нас всех перевели из полиции в гестапо», - подумала она.

- Я не знаю никакого Иванченка. Меня и мою маму даже на допрос ни разу не вызывали. За две недели нас даже из камеры не выводили, - еле выдавила она

- Ну, это мы всё ещё выясним, - угрожающее сказал он. – Думаю, что лучше будет для вас признаться.

- Выясняйте. Мы с мамой ни в чём не виноваты. Всё-таки, объясните мне, за что нас арестовали?

- Ах, не понимаешь? Когда был развешан приказ о явке всех евреев на сборный пункт? А сегодня какое число?

Что-то написав в её протоколе допроса, даже не дав ей прочитать его, он вызвал конвоира и сквозь зубы сказал ему:

- В камеру её. К остальным.

Последние два слова прозвучали зловеще, как приговор.

Дора стояла, низко опустив голову. Возражать и требовать что-то - было бесполезно.

Глава 13.

Бедный Володя ходил в Полицейскую управу каждый день, хлопотал об освобождении, носил своим передачи. Продукты принимали, но свидания не разрешали, по той причине, что они, якобы, находятся под следствием. Володя возмущался, что это может быть за следствие? Какое преступление могли совершить несчастные женщины, одна из которых уже в пожилом возрасте, а вторая многодетная мать? В ответах дежурного Полицейской управы и по его глазам, которые он отводил в сторону, чувствовалась какая-то принуждённость, недосказанность. Видно, не мог он говорить всё, как есть. Его неискренность, равнодушие ещё больше настораживало Володю.

Через неделю он встретил своего старого знакомого и поделился с ним своим горем. Тот обещал помочь. Через пару дней он подсказал Володе, чтобы он связался со следователем Иванченком. Тот якобы был членом Организации Украинских Националистов, сочувствовал евреям и старался как-то помочь людям. На следующий же день Володя попытался использовать эту возможность. Всё-таки муж – украинец, а немцы вначале поддерживали украинское национальное движение. Утром он пришёл в управу и попытался попасть к этому следователю, но оказалось, что его уже нет: - по доносу в гестапо его деятельность раскрыли, и ночью он был арестован. Дела всех подследственных и арестованных, которые он вёл, также забрали. Теперь ими будет заниматься гестапо. Слабенькая искра надежды на освобождения, хотя бы по причине тяжелой болезни мужа и многодетности, начинала угасать

Конвоир привёл Дору в то же помещение, откуда её вызывали на допрос. Мама сразу же бросилась к ней:

- Что там было, Дорочка? Что они у тебя спрашивали?
- Они интересовались следователем Иванченко, о котором нам рассказывали.
- А что они хотели о нём знать?
- Я так думаю, что за то, что он помогал евреям, его арестовало гестапо. Поэтому нас всех сюда и перевезли. Теперь уже они будут нами заниматься.
- Дорочка, всё, что не делается - делается к лучшему. А немцы, всё же я уверена, культурная нация.

Дора посмотрела на неё долгим взглядом и подумала «Я не буду ей больше ни о чём рассказывать. Пусть она останется при своих розовых мыслях. Видно, всё, о чём говорила бабушка Нина про Бабий Яр, для неё было неправдоподобным».

Через некоторое время всем, кто находился в помещении, сделали перекличку. Их разбили на несколько групп. Каждую группу, в сопровождении конвоира, повели по длинному коридору. Затем через узкий проход начали спускаться по крутым ступенькам в подвал. Каждая ступенька отдавалась в их сердцах ноющей болью. «Вот так, - подумала Дора, - наверное, грешники после смерти спускаются в ад». Заскрежетала ржавыми петлями дверь и открыла вход в длинный коридор, тускло освещённый редкими лампочками. В нос ударил запах застоявшегося смрада.

В начале коридора в маленькой комнатке за канторкой сидел дежурный надзиратель с набрякшими мешками под глазами. Он посмотрел на женщин глазами дохлой рыбы, как на пустое место. О чём-то переговорил с конвоиром. Затем снял ключи с канторки и повёл Дору с мамой к входу в коридор. Слева и справа вдоль коридора и до конца были металлические двери. Много дверей. Они были закрыты на засовы, на которых висели замки громадных размеров. За каждой дверью, за каждым замком были люди. Их присутствие ощущалось даже сквозь стены. Возле одной из камер он остановился, посмотрел в глазок и открыл ключом дверь. «А вот и сам Ад», - успела подумать Дора и перешагнула высокий порог.

Камера, куда их поместили, почти ничем не отличалась от предыдущей, за исключением того, что там не было туалетной кастрюли. Туалет находился в конце коридора, и туда выводили два раза в день. Целый день они пробыли в камере одни и их никто не беспокоил. На следующий день утром Дору опять вызвали на допрос. Следователь с любопытством начал рассматривать пятна на её груди и сказал:

- Почему вы не сообщили том, что кормите ребёнка грудью?

Доре показалось, что он уже знал о том, что она сцеживает молоко. Боясь выдать себя, она молчала.

- Сейчас вас поведут домой и вы покормите ребёнка. Это же бесчеловечно лишать его материнского молока, - возмутился он. – Предупреждаю, дома - никаких разговоров, иначе ваш ребёнок останется без молока.

Он тут же вызвал двух конвоиров, что-то написал на бумаге и велел им проводить её домой, не заводя в камеру. Такая его «сердечность» показалась ей очень подозрительной, но радость от того, что она побывает дома и даже увидится с детьми и Володей отвлекла её от этой мысли.

Глава 14.

Однажды утром в дверь квартиры раздался требовательный звонок. Бабушка Нина была дома одна с Колькой и присматривала за Сенечкой. Володя с Лизой и Антошей понесли в гестапо передачу. Бабушка открыла дверь. На лестничной площадке стояли два здоровенных гестаповца в чёрных кожаных плащах, а между ними, как тоненькая берёзка - Дорочка. Её руки, предназначенные для извлечения из рояля божественной музыки Баха и Чайковского, были грубо закованы в наручники, как у матёрой уголовницы. Она стояла, опустив голову, и слёзы текли по её бледным, впалым щекам. И не от страха перед побегом заковали они её в путы, а для того, чтобы ещё больше унижить, придавить, чтобы она уже полностью перестала чувствовать себя человеком.

Оказалось, гестаповцы привели её покормить грудного Семёнчика. Сжалились!? В комнате один из них расположился возле окна. Наверное, опасался, что несчастная женщина прыгнет с третьего этажа. Второй, расстегнув плащ, чтобы было удобнее в случае чего выхватить пистолет, развалился на табуретке возле двери. Разговаривать женщинам между собой строго запретили. Дора не могла даже спросить об остальных детях. Бабушка Нина, схитрила, и под видом того, что хочет принести табуретку для конвоира, расположившегося возле окна, метнулась на кухню и оттуда, вроде про себя сказала:

- Не волнуйся, с детьми всё хорошо. Володя с ними понесли вам передачу.

Конвоир что-то заподозрил, а потом увидел, что она несёт ему табуретку, пробурчал себе под нос и уселся.

Даже в ванную, чтобы помыть руки, Дору сопровождал гестаповец. Правда, освободил от наручников.

Дора кормила грудью ребёночка, что-то тихо и нежно ему приговаривала. Её слёзы капали ему на щёчку. Верзила, сидевший возле окна, вытащил сигареты, хотел закурить. Нервы бабушки Нины были напряжены до предела, и она не выдержала, набросилась на него с кулаками, как наседка, защищающая свой выводок:

- А ну, чортяка проклятый, выбрось свою вонючую сигарку. Посмотри, паразит, - она показала рукой в верхний угол, - вона на покути иконы стоят и мать кормит несмышлёныша. А у тебя, паразита, нету ни стыда, ни совести!

Тот что-то пробурчал, но сигареты спрятал обратно в карман плаща.

Дорочка покормила ребёнка, затем поцеловала. Семёнчик довольно засопел носиком, облизываясь и причмокивая. Затем начал играть, хватая ручками Дору за очки. Наигравшись, уморился и, обволакиваемый знакомым, ни с чем не сравнимым запахом мамы, сделал «потягуси» и уснул у неё на руках. Дора перепеленала его и уложила в кроватку. Если бы он только мог знать, что уже никогда и ничего вкуснее в своей жизни ему не придётся попробовать, и никогда не будет он так сладко и спокойно засыпать!

Конвоиры начали нетерпеливо поглядывать на часы и поторапливать Дору. Бабушка Нина успела сунуть ей в карман несколько варёных картофелин и один солёный огурец.

Глава 15.

Вернувшись в камеру, Дора рассказала удивлённой маме о том, что она побывала дома и даже покормила Сенечку. Правда, Володю дома не застала. Он с Лизой и Антошей понёс для них передачу. Достала из под одежды гостинчик бабушки Нины. Только хотели его развернуть и поесть, как их прервал шум открываемого

окошка на двери. Надзиратель прочитал их фамилию по бумажке и просунул через окошко передачу. Полакомившись ещё тёплой, домашней картошкой с солёной килькой и воблой они довольные уселись на полу (койки на день подвязывались к стене), и начали обсуждать домашние дела:

- Вот видишь, - сказала мама, - я тебе говорила, что здесь будет лучше, и нас скоро или выпустят, или отправят в Германию.

Дора, находясь ещё под впечатлением короткого пребывания дома, не хотела ей возражать. Тут и вечер подкрался. Койки опустили и они спокойные и довольные хорошим, сравнительно, днём, улеглись спать. Ночью их разбудили и велели выходить с вещами. Опять привели в то же помещение, куда привезли из Полицейской управы. Там они встретили своих бывших сокамерников. Собралось около тридцати женщин. Некоторые были с детьми. Никто из них не высказывал никакого волнения. Перевозка в другое место стала уже привычной. Многие были уверены в том, что их везут на станцию для отправки. Единственное, что настораживало, это то, что личные вещи приказали оставить на скамье и налегке загружаться в машину. Вещи пообещали доставить к месту назначения позже. Вначале все начали усаживаться на дощатый пол кузова. Но люди постепенно прибывали и сидеть на полу уже было невозможно. Все встали, давая место прибывшим. К концу загрузки уже все стояли плотно, прижавшись, друг к другу.

- Теперь понятно, почему нам не разрешили брать вещи. Куда бы мы их дели? И так тесно, что повернуться невозможно, - рассудительно сказала какая-то женщина.

А другая даже пошутила:

- Ничего, в тесноте, да не в обиде. Тут ехать недолго. Как-нибудь потерпим.

После погрузки дверь машины плотно закрыли. В кузове сразу стало темно. Натужно взвыл мощный двигатель грузовика и он, покачиваясь на ухабах, выехал за ворота. С первых же метров движения в машине стало тяжело дышать. Воздуха не хватало. Чувствовалось отсутствие вентиляции. Оцинкованные стены кузова покрылись влагой. Поднялась паника. Женщины начали кричать и звать на помощь. Люди стали задыхаться. Давка ещё больше усилилась. Дора и мама крепко держали друг друга за руки. Вдруг Дора почувствовала, что рука у мамы ослабла и она, вероятно, упала бы, но её удерживали плотно стоящие вокруг них тела. Дора пощупала пульс у неё на шее и с ужасом обнаружила, что он уже не прослушивается. Мамино сердце не выдержало. Её тело начало проседать вниз.

Всё, что теперь занимало мысль Доры, - это хотя бы глоток воздуха. Люди, давили друг друга, пытаясь выбраться из плотной массы тел, тянулись вверх к потолку, вроде бы там было какое-то спасение. Безжизненное тело мамы затоптали ногами. Дора попыталась резко присесть. Ей это удалось. Здесь, среди бесчисленных ног, было даже свободней. Но воздуха здесь тоже не было. Она начала задыхаться. Вдруг, что-то щёлкнуло под кузовом машины и он начал заполняться газом из выхлопной трубы. Дора почувствовала, как куда-то далеко отступили душераздирающие крики женщин, муж, дети. Из её горла начал вырываться булькающий хрип. Внутри у неё всё скрутило. Каждая её клеточка требовала воздуха, но его не было. Последнее, что она подумала это то, что фашистам так и не удалось маму расстрелять. Она умерла своей смертью. И тут же перед её затухающим сознанием возникла мама. Она парила в воздухе, улыбалась и протягивала дочке руку, как бы звала её к себе. В горле Доры остановился твёрдый комок. Сознание её помутилось и навсегда померкло. Мысли Доры прервались, и она полетела на зов матери, к её протянутой руке.

В Бабий Яр грузовик привёз уже трупы, сбитые в одну плотную массу. Осталось их только выгрузить в глубокий ров. Для убийства палачам даже пули не понадобились.

После этого больше никто Дорочку и бабушку Иду не видел. Сгинули они в диких бурьянах зловещего Бабьего Яра. Замордовали их аспиды проклятые. Кто скажет детям, где их могилки? Куда им прийти помянуть их и поплакать? Кто ответит за эту бойню?

Осталась последняя надежда: - ...Мне отмщение и Аз воздам.

* * *

Несмотря на свою ревностную «добросовестность» в выявлении спасшихся от ареста евреев, дворнику так и не досталось пианино. Помешал ему ранее изданный приказ «... о неприкосновенности имущества арестованных». Иуда не получил своих тридцати сребреников за предательство. Только в отличие от библейского Иуды, совесть его не мучила. У него её давно уже не было, поэтому ему даже не нужно было искать осину, для её успокоения. Но Божье возмездие всё-таки настигло его. Запил сердешный с горя, что не достался ему музыкальный инструмент за его предательство. Не рассчитал дозу выпитого, перепил, да так и сгорел от водки. Нашли его только на третий день под старым, покосившимся забором, с обглоданным одичавшими собаками лицом. Забросили в труповозку и вывезли куда-то в могильник, где хоронили неопознанных, чтобы не отравлял воздух своим смрадом.

Глава 16.

На следующий день Володя пошёл в гестапо с просьбой разрешить ему свидание с женой и тещей. Но там ему тоже грубо отказали. Он выстоял длинную очередь перед окошком, для приёма передач. Долго уговаривал принять продукты. Ему отказывали, ссылаясь на то, что они только недавно поступили и передачу им не положено. Потом всё-таки приняли. Да и на том, спасибо. Если приняли еду, значит, живы ещё, бедолашные.

Домой они вернулись уже под вечер. С огорчением Володя узнал от бабушки Нины, что Дору приводили домой и он не смог её хотя бы увидеть.

- Ты, сынок, не расстраивайся. Всё равно тебе бы не разрешили с ней говорить. Она только и успела, что покормить малыша и перепеленать его. Даже поесть не разрешили.

- А кто её приводил, полицаи или немцы?

- Я так думаю, что это гестаповцы. Оба были одеты в чёрном, як круки какие.

- Значит теперь точно она в гестапо.

- Может быть теперь будут её каждый день водить малышонка кормить? – с надеждой в голосе спросила бабушка Нина.

- Боюсь, что нет. Теперь они уже знают о детях. Надо что-то делать.

Утром Володя собрался и опять пошёл в гестапо. Он хотел добиться свидания с женой и тещей, похлопотать, чтобы отпустили пожилую женщину и многодетную мать к малолетним детям и неизлечимо больному мужу. Ничего не добившись, он огорчённо направился к выходу. На воротах сегодня дежурил его знакомый охранник.

Ещё при своём первом посещении гестапо, у Володи был с собой фотоаппарат. Он должен был идти на работу. При входе в здание стоял часовой. Фотоаппарат, а также другие посторонние вещи, необходимо было оставлять у него. Когда Володя протянул ему кофр, тот его раскрыл, вынул фотоаппарат и радостно заулыбался. Оказалось, что сам он родом из города Ветцлара, где находится этот оптический завод, выпускающий фотоаппараты «Лейка». До войны даже работал на этом заводе. От умиления он заулыбался и прижал «Лейку» к груди.

Часовой, тоже запомнил Володю в лицо и, осторожно озираясь вокруг, объяснил ему при помощи жестов, чтобы он сюда больше не ходил, что их здесь уже нет, сегодня ночью увезли вместе с остальными в Бабий Яр. Затем наклонился к нему и прошептал на ухо, показывая пальцем на детей, чтобы он сегодня же вывез их и спрятал, иначе завтра уже будет поздно. Завтра за ними приедут и увезут. Дети, рождённые еврейкой, тоже являются евреями и также подлежат уничтожению.

И повторил: сегодня же вывези детей и спрячь, иначе у них не будет завтра!

Что побудило этого человека пойти на такой шаг? Ведь он служил в гестапо, а там сердобольные не встречались. Может быть, он сам был многодетным? А может быть, вспомнил семью, детей? А может быть, зная о зверствах, которые чинили его сослуживцы в Бабьем Яру, совесть начала мучить? Этого мы уже никогда не узнаем. Можно только просить у Бога о прощении ему грехов.

Глава 17.

Домой Володя вернулся, совершенно убитый горем. Сел на стул и не мог произнести ни одного слова. Бабушка Нина насильно влила в него половину стакана

самогонки (ещё дедово изделие), и только тогда он смог выдавить из себя то, о чём рассказал ему часовой.

- Доры и тёщи уже нет. Сегодня ночью их вывезли в Бабий Яр.

- Как же такое может быть? Я же только вчера её видела. Зачем же они приводили её кормить ребёнка, если знали, что ночью вывезут?

- Я думаю, что они проверяли нас в отношении детей.

- Господи, Царица Небесная. Теперь они знают про детей. Как же я, дура старая, не догадалась?

- Я там встретил знакомого часового и он мне всё рассказал. Он настаивал, чтобы я немедленно спрятал детей. Дети, рождённые еврейкой, являются тоже евреями.

- Нам надо срочно их спасать! Я предчувствовала это, - сказала бабушка Нина, - и у меня уже заготовлен план. Надо сейчас же, срочно, пока новый дворник нас ещё не знает, одеть потеплее детей и собрать всё необходимое. На Сенном рынке работает извозчиком друг моего мужа. Он возит из Броваров фураж для немецких конюшен. Я его найду и договорюсь, чтобы он сегодня ночью вывёз детей в село Ядловку, к твоим, Володя, родителям. Это далеко от Киева, и там их никто не будет искать. Там, у бабы Насти и деда Мины они и пересидят лихую годину.

- Как же мы туда доберёмся? Ведь зима, холодно, да и мосты все разрушены? – засомневался Володя.

- На Подоле немцы навели понтонный мост. Если он будет закрыт, то поедете по льду через Днепр. Морозы уже установились и лёд крепкий. Там есть настеленная гать и накатанная санная дорога, и извозчики по ней ездят через реку.

Бабушка Нина пошла в комнату, порылась в ящике, что-то спрятала в карман и, не теряя времени, пошла на Сенной базар.

Извозчика она нашла, когда тот уже собирался выезжать.

- Ты чего это, Нинка, так поздно прибёгла? Базар уже кончился.

- Да не на базар я пришла, Овсей. Я к тебе по делу.

- Давай, выкладывай, что у тебя за дело такое.

- Овсей, на тебя одна надежда. Надо вывезти детей из Киева. Иначе им тут смерть. Это дети моих соседей, они наполовину евреи.

- Ты, старая, понимаешь, что говоришь? Как их вывезу? Да ещё и евреи? Это же верная погибель и для них, и для меня!

- Ты не бойся, у них в метриках записано, что они украинцы. Посади их в сани и прикрой соломой. Ночью кто там будет смотреть? Скажешь, что голодно в Киеве, везу, мол, деточек на деревенские хлеба.

Овсей сдвинул шапку на лоб и почесал затылок:

- Так-то оно так, если немцы, то куда ни шло, им часто неохота выходить на мороз и досматривать, а если полицаи? Те во все дырки заглядывают.

- А вот, чтобы они не заглядывали, на тебе это, - и бабушка Нина вынула из кармана тряпочку, развернула её, и на ладони засияли два золотых обручальных кольца.

- Эх, Нинка, Нинка! И чего ты выбрала себе Микитку? Чего ты за меня не пошла? Чем он тебя так приворожил?

- Так уж получилось, Овсюша. Люб он мне был, да и сейчас за него сердце болит. Где он сейчас, шалопутный, что с ним?

- Да где ж ему быть? Наверное, в полиции водочку кушает?

- Да нет, Овсюша. С первых же дней на войну подался. Не брали его в военкомате за Беломор-Канал, так он же такой хваткий, что пристроится куда угодно. Воюет он, да только вот весточки от него нет, как он там, живой чи ни?

- Ты не думай, Нина, - как бы оправдываясь, сказал Овсей, - я тоже хотел уйти с нашими, да ты же знаешь, хромой я с детства. Куда мне на войну. Вот и кручусь тут. Ну, а за детей не переживай. Доставлю, как надо. Будем живы – увидимся и сочтёмся. А золото, извини, возьму, но это только для них, аспидов. Авось, как-нибудь да выкручусь.

- Спасибо, Овсюша. Хай тебе Бог поможет, - перекрестила она его.

- Ну, ладно тебе, Нинка, чего уж там. Мы же, вроде бы, не чужие.

* * *

Всю ночь пробирались они в село по занесенному снегом тракту. К счастью, на протяжении всего пути их никто не останавливал и не проверял. Все знали, что Овсей возит фураж для немецких лошадей, и это служило ему, как пропуск. Но на одном кордоне, уже на въезде в село Русанов, их остановили полицаи, да и то только потому, что это были знакомые Овсея, и им очень хотелось выпить. Промёрзли, бедолашные, ночью. Знали, что у того всегда что-то да найдётся. Зашли в хату, выпили по стакану, закусили. А тут и детишки по нужде выскользнули из соломы. Один из полицаев обратил внимание на них, бегающих по двору:

- Это что у тебя там за детский сад?

- Та то старуха попросила детей отвезти на сельские хлеба. В городе ж голодуха. Вон и хозяин при них, - показал Овсей на Володю.

- Мы тут одного как-то поймали, хотел жиденят вывезти.

- Ну и что вы с ними сделали? - аж побледнел Володя.

- А что сделали? - махнул рукой тот. - Отправили назад под конвоем. А там, - махнул он рукой в сторону Киева, - знают, что с ними делать. Разберутся!

- Но тут у нас всё по закону, - притворяясь пьяным сказал Овсей, торопливо наливая самогонку в стаканы, - вот, смотри, - полез он за пазуху. - И документы имеются, наши, украинские детки.

- Да мы тебе верим, ты ж свой, - успокоил его уже захмелевший полицай, - ну, давай ещё по одной, а то мороз уже до костей пробрал.

Только когда они отъехали далеко от заставы, до сознания Володи дошло то, что так подспудно мучило и беспокоило его всё это время, начиная с выезда из киевской квартиры. Ведь в метриках детей есть графа, где записаны сведения о матери, и там было написано чёрным по белому, что она еврейка! Как же им повезло, что полицай не стал проверять метрики детей, иначе их бы вернули туда, где «знают, что надо с ними делать».

Фото 15. Памятник жертвам Бабьего Яра. на Сырце.

Глава 18.

Бабушка Настя и дед Мина прятали несчастных детей днём в погребе, а ночью на чердаке. Баба Настя ночевала вместе с ними, чтобы им не было страшно ночью одним. Лизе в то время шёл двенадцатый год, Антоше – шестой, а Семёнчику и считать нечего – полтора года. До сих пор он ещё ничего не говорил. Днём им было запрещено гулять и разговаривать. Да и ночью на прогулке нельзя было шуметь. Они, бедненькие, как ночные зверюшки, начали бояться дневного света. По ночам детей выпускали во дворик, огороженный сараем, погулять, подышать свежим воздухом. Дед Мина при этом стоял возле ворот, курил свои бесконечные самокрутки из ядрённой махорки и зорко наблюдал за улицей. При появлении кого-то на дороге, он подавал детям сигнал и те быстренько хватали Семёнчика на руки и, как мышки, привычно прятались в свою норку. Это длилось почти два года.

Как-то раз, уже под вечер, дети ещё были в погребе, в хату зашла соседка, перекрестилась на покуть и поставила на лавку литровую банку с молоком:

- Бабо, возьмите. Це вам, для маленьких детей.

- Каких детей? - удивилась баба Настя, - нет у нас маленьких детей, разве ты не знаешь, что наши дети Коля и Вера уже давно не маленькие и сейчас они на фронте?

- Да знаем мы это. Но цэ для тих жиденят, що вы ховаете.

- Кто это «вы»? Кого мы тут можем ховать? Каких жиденят? – испуганно спросила баба Настя.

Соседка стыдливо опустила глаза в пол:

- Бабо, да вси ж соседи об этом знают, шо Володька привёз сюда своих дитэй. Даже Микола-полицай и той знает.

У бабы Насти ноги так и подкосились. Она чуть не упала на солому, постеленную для тепла на полу:

- Да вы, бабо, не бойтесь, никто об этом никому не скажет. Что же мы – нелюди, чи що? – начала успокаивать её соседка, - у меня у самой, вы ж знаете, и батько, и свекор, и чоловик на фронте. Да и у других тоже ж так.

Женщины, сплочённые общей бедой, обнялись и просидели так до самой темноты. С тех пор к бабе Насте начали наведоваться соседи, кто с чем. Кто с пучком зелени, кто приносил горшочек молока или несколько кукурузных початков. Делились всем, чем можно. А ведь у самих дома тоже были полуголодные дети.

Как-то раз пришла подруга бабы Насти ещё с девотства, сельская баба-знахарка Горпина. Сроду сама ни до кого не шла, ждала, пока не позовут. В молодости красивая и гордая была. А тут – на тебе, сама пришла. От кого-то прознала, что Антоша упал и ушиб коленку. Ранка на ней долго не заживает и болит. Видно, инфекцию занёс. Да и Семёнчик начал кашлять, видно, простудился в сырости. Пошептала, пошептала Горпина над ножкой Антоши, смазала чем-то. Потом взялась за маленького. Поводила каким-то мелком Семёнчику по грудке. А тому щекотно, смеётся, думает, что с ним играют. Увидел на ней очки, потянул к ней ручки и первый раз в своей жизни сказал:

- Мама.

Баба Настя, как услышала, так и залилась слезами:

- Ты чего, старая, плачешь? – Горпина к ней. – Не переживай, будут оба здоровенькие.

- Спасибо тебе, Горпуша. – запричитала Настя. - Это ж надо! Его покойная мати очки носила, а он по очкам её и запомнил, подумал, что ты и есть мати. Ведь не говорил он до этого. А сейчас в первый раз сказал «мама».

Знахарка расчувствовалась. Своих детей у неё сроду не было (хотя бы Бог дал байстрюка какого-нибудь). Взяла Семёнчика на руки, начала с ним играть, а он опять хватается за очки и:

- Мама.

Тут уже и Горпину проняло. Защищало у неё в носу - и себе в слёзы. Сидят они с бабой Настей, обнялись и плачут.

Как раз и дед Мина зашёл в хату, дрова занёс и вывалил возле печки:

- Что это вы тут развылились, как собаки на погоду?

- Так Семёнчик же первый раз заговорил. Увидел на Горпине очки и подумал, что это Дорочка, и сказал «мама», аж два раза. - Заговорил, слава Богу, наш Семенчик, - поделилась с ним баба Настя радостью.

А у того одно на уме:

- За это и выпить не грех. Доставай, старая, пляшку из своих запасов.

Покопалась баба Настя в коморке, вышла оттуда, по привычке спрятав бутылку самогонки под передник, как бы кто не увидел. Выставила на стол нехитрую закуску, да так и отметили первое слово внука. Посидели, повспоминали всех, и то, как раньше жили. Мина вышел на двор курить свой злющий табак, а женщины поплакали, каждая за своё. Знахарка Семенчика из рук не выпускает, а он пригрелся и уснул. Затем она оставила бабе Насте какие-то травки. Рассказала, как их заваривать, пообещала наведываться и ушла, вытирая по бабски, кончиком платка заплаканные глаза.

Вот тебе и скрывали детей! А оказалось, что почти всё село об этом знает. Называется – «запрятали сокиру под лавкой». Знать-то знали, а ни одна душа не донесла!

Один раз, когда уже совсем стемнело, зашёл Микола-полицай. Снял шапку, вытер ноги, поставил карабин возле печки, где стояли рогачи, и молча сел на лавку. Бабушка Настя застыла возле печи от испуга. Ноги как отняло. Она уже не знала, что и подумать. Быстренько метнулась к шкафчику. Пошарила там рукой, достала бутылку с мутным самогоном, заткнутую кукурузным качаном. Поставила на стол. Затем выставила миску с солёными огурцами. Отрезала краюху хлеба, вытащила из печки чугунок с картошкой и налила полный стакан самогона. Не поднимая глаз, Микола выпил стакан тремя глотками, крякнул и вытерся рукавом. Потом порылся в своей сумке, вытащил из неё подстреленного зайца и положил на лавку. Что-то хотел сказать, да только мучительно скривился. Не смог выдать из себя ни слова, только махнул рукой. Медленно поднялся, забрал оружие и вышел из хаты. Уже на улице он надел шапку и, сгорбившись, как под какой-то ношей, побрёл по дороге, одинокий и обманутый, волоча за собой по снегу карабин.

Помилуй, Господи, осознавшего грех свой.

Глава 19.

В селе Ядловка постоянно находился немецкий форпост, который патрулировал окрестности. В сельские дела они, почти, не вмешивались. Жители были предоставлены «попечению» местного полицая Миколы, которого жизнь согнула под тяжестью четверых детей и скандальной бабёнки, его жены. Жизнь проходила относительно спокойно. Изредка через село проскакивала какая-нибудь военная часть. Немцы останавливались, с шумом и гогом мылись холодной колодезной водой, отстреливали пару зазевавшихся кур или поросёнка, наспех обедали и быстро двигались дальше.

В 1943 году началось наступление Красной армии по всему фронту. Почувствовав приближение своих, партизаны, базировавшиеся в лесу под Ядловкой, решили активизироваться. А может, просто надоело сидеть на голодном пайке и задумали хлопцы пополнить свои оскудевшие запасы? Так или иначе – напали они ночью на немецкий форпост. Немцы, десять солдат, во главе с лейтенантом, спрятались в подвале церкви. Никто из солдат не пострадал. Только одного царапнула по щеке отколовшаяся от пули штукатурка. Они вызвали по телефону подкрепление из Броваров. Через час в село ворвались на двадцати грузовиках каратели. Партизаны без боя скрылись в лесу, оставив жителей на произвол судьбы. Зато комиссар поставил галочку в послужном списке о боевых действиях в тылу врага.

Эсесовцы окружили Ядловку и согнали всех жителей на майдан возле церкви. Для лучшего усвоения порядка расстреляли несколько десятков человек. Затем за дело взялись огнемётчики. Спалили всё село. Всё! Из тысяча двухсот дворов не оставили ни одной хатки, ни одного деревца – всё взметнулось в небо чёрным дымом. На всё село остался чудом один сарайчик, который стоял в стороне и его, по-видимому, не заметили. Затем шесть тысяч жителей погнали, как скот, по разным концлагерям. Мина и Настя уложили на тележку то, что успели впопыхах собрать.

Сверху посадили Антошу и Семёнчика. Старшенькую Лизочку баба Настя взяла за руку. Чего уж теперь прятаться! Да и не было никому никакого дела до них. Каждый был занят своей бедой. Двинулись они колонной через горящее село. Трое суток гнали их в лагерь под Бровары. Наконец-то добрались до места – открытое поле, огороженное колючей проволокой. Негде даже спрятаться от дождя. С десятков полицаев-охранников угрюмо бродили вокруг лагеря, положив карабины на плечо, как палки. Видно, уже чуяли, что расплата не за горами.

Фото 16. Памятник членам ОУН, расстрелянных в Бабьем Яру.

Расторопный Мина, как чувствовал, припрятал в тележке под клумаками заступ и топор. Выкопал он небольшую землянку, укрыл её болотным камышом и ветками, и получился какой-никакой притулочек. Можно хотя бы детей попрятать от дождя и ветра. Хорошо, что было лето и не было холодно.

* * *

Как-то раз решил Володя проведать родителей и детей. Собрал кое-какие вещички, оставшиеся после ареста жены и тётки, чтобы по дороге выменять на продукты. Приехал, а вместо села одни головешки да печные трубы. Сады вырубленные и спаленные. Нигде нет ни живой души. Где мать, отчим, дети – не у кого даже узнать. По селу бродят одни одичавшие собаки и коты. Пошёл он пешком назад. Уже к вечеру добрался до села Русанов. Остановился у своего знакомого переночевать. Тот ему всё и рассказал. На следующий день Володя зашёл в полицейский участок. Там он случайно встретил полицая, с которым Овсей пил водку, когда вывозили детей. Тот посмотрел по документам и сообщил, что какую-то колонну отправляли под Бровары в лагерь, и даже объяснил, как туда добраться. К вечеру Володя уже был возле лагеря. К тому времени там практически не было уже никакой охраны. Немцы ушли. Им было не до этого – Красная армия наступала на пятки. В прокуренной сторожке сидели несколько пьяных полицаев. Люди спокойно выходили за территорию лагеря в поисках какой-нибудь еды. Потихоньку все окопались в

землянках, обжились и сидели в ожидании прихода своих. Домой идти было некуда, да никто и не знал, что их там ожидает.

Володя быстро разыскал своих родных и детей. Слава Богу, все были здоровы, но сильно истощены. Лиза и Антоша быстро подружились с такими же детьми. Целыми днями они носились по болоту в поисках пропитания, набивая свои животики найденными птичьими яйцами, съедобными стеблями аира и рогозы. Вечером баба Настя готовила из остатков муки, вперемежку с сухими листьями липы, оладьи. Чай заваривали из липового цвета, смородины, вишни и мяты. На лугу после дождя пробивались шампиньоны и другие грибы. Они тоже как-то спасали от голода. Хуже приходилось с Семёнчиком. Ему необходимо было молоко. С наступлением темноты Мина пробирался до близлежащего села и там менял вещи на продукты. В ход пошли сапоги, часы, ещё подаренные ему паном. Такая же участь постигла и обручальные кольца бабы Нины, которые ещё тогда передал им Овсей. Баба Настя даже нательный крестик сняла, что-то пошептала, видно просила прощения у Бога, и выменяла за него детям двух кроликов.

Вечером все расселись возле костра. Радости не было предела. Дети оккупировали отцовские колени и щурились от удовольствия, посасывая подсолнечную макуху. Им казалось, что вкуснее этой выжимки нет ничего на свете. Над костром на треноге висел котелок, в котором варился незатейливый супчик.

- Нам надо возвращаться домой, - сказал дед Мина.

- Куда нам идти, там ничего не осталось, - возразила баба Настя.

Володя тяжело вздохнул. Он, при всём своём желании, не мог забрать их в Киев. Там было по-прежнему очень опасно.

- Всё-таки нам надо идти домой, - настаивал Мина. – У меня в яме под сараем была спрятана семенная картошка и ещё кое-что. С голоду не пропадём. Часть можно пустить на еду, а часть оставить на посадку.

- Что ж ты молчал и ни слова не сказал? – вспыхнула Настя.

- А что я смог бы сделать? Не мог же я сходить туда и принести. А ты, если бы узнала, понесла бы языком по всему лагерю, как сорока. Вернулись бы домой, а там уже ничего и нет.

Володя от души посмеялся над прозорливостью отчима.

- А где мы будем жить? – не унималась Настя.

- Жить будете в сарае, - сказал Володя.

- Так его ж спалили.

- Сарай спалили, я видел, - но стены-то остались. Они из самана. К осени мы с отцом поставим крышу, и будет где зиму зимовать и жить до лучших времён.

Утром решили тронуться в путь. К ним присоединились ещё десятка два семей. Назад они уже шли почти налегке. Всё, что можно было поменять, ушло на продукты. Осталось только самое необходимое. Антошу и Семенчика везли на тележке. А Лиза шла, весело болтая со своими новыми подружками.

Глава 20.

В начале осени 1943 года линия фронта начала приближаться к Киеву. Фашистско-полицейский конвейер смерти длился свыше двух лет. До последнего дня освобождения Киева от фашистов из Бабьего Яра доносилась пальба. Каждый выстрел – это чья-то жизнь. Там же нашли своё последнее прибежище и многие тысячи военнопленных всех национальностей. Было расстреляно свыше пятисот активистов ОУН. Цыган уничтожали целыми таборами. Ежедневно несколько крытых грузовиков привозили туда людей на расстрел.

В феврале фашисты вели через весь город в Бабий Яр моряков Днепровского отряда и Пинской военной флотилии. Они были полностью раздеты. Но, невзирая на холод и измождённость, они шли с высоко поднятыми головами в бескозырках. Глаза горели ненавистью к фашистам. Тельняшки на них висели ключьями. Руки были связаны проволокой. Колонна была плотно окружена немецким конвоем. Видно, очень боялись они «чёрную смерть», как они называли моряков, и даже полицейам не доверили конвоирование.*

*Памятник морякам установлен на Лукьяновском кладбище. Автор.

После них расстреляли железнодорожников, рабочих завода "Большевик", "Ленкузница", "Трансигнал". Свыше ста тысяч расстрелянных людей различных национальностей – таков итог фашистской резни в Бабьем Яру.

Как-то раз, спустя годы, писателю Виктору Некрасову, выступавшему на митинге в годовщину уничтожения евреев в Бабьем Яру, кто-то из участников митинга заметил:

- В Бабьем Яру расстреливали не только евреев, было уничтожено много людей других национальностей.

- Правильно, – ответил он, - но только евреев расстреливали за то, что они евреи.*

* «Еврейская газета» 2005 года

Фото 17. Памятник детям, погибшим в Бабьем Яру.

В 1943 году, предчувствуя расплату за содеянное, в Берлине приняли решение срочно убрать следы и улики преступлений. В Бабий Яр было доставлено из Дарницкого лагеря свыше трёхсот заключенных. Их разбили на команды. Землекопы разрывали ямы. Крючники вытягивали полуистлевшие трупы. Золотоискатели выискивали во рту трупов золотые коронки, вырывали их клещами и собирали в ведро. Строители строили печи. Несколько десятков заключённых под охраной водили на старое еврейское кладбище. Там они разбирали надгробия из мрамора. Затем перетягивали их в Бабий Яр и строили из них настил. Над ним закрепляли решётки и трубы, для улучшения тяги. Снизу под ними укладывали дубовые дрова. На металлические решётки кочегары укладывали штабелями полуистлевшие людские тела и перекладывали их дубовыми дровами. Такие штабели выростали до трёх метров высотой. Они вмещали до двух тысяч трупов. Затем кочегары поливали штабели нефтью и поджигали их факелами.

Облако чёрного дыма взметнулось вверх, закрывая собой лучи солнца. Всё заволочло густым чёрным дымом горящих дубовых дров, нефти и разложившейся плоти. С неба, как чёрные траурные слёзы, начали падать хлопья сажи. Сильный верховой ветер не давал дыму выходить из Яра, прибавал его к долу, накапливая плотность. Затем, накопившись, он прорвался и начал стелиться по Яру, убивая в его густых бурьянах всё живое. И долго ещё будет стелиться ядовитый дым, заполняя

своим зловоньем все уголки Яра, оставляя за собой траурный след чёрной, жирной сажи.

Затем, подхваченный ветром, высвободится он из оков круч и выплеснется на пригородную Куренёвку, попутно осажая свои чёрные языки потёков на побелённых стенах украинских хаток, которые каким-то чудом удерживались на крутых обрывах Яра. Дальше он взметнётся вверх и, увлекаемый ветром, поплывёт зловещей тучей к Днепру, роняя пепел на его воды.

И понесёт седой Днипро-Славутич траурной процессией скорбные спаленные останки несчастных через всю Украину до моря Чёрного Понтийского, через проливы Босфор и Дарданеллы до моря Средиземного. И дальше - на вечный покой в Святую землю Израиля, куда слетаются испокон веков на сороковой день души иудеев, сынов и дочерей Израиля.

Затем дальше и дальше через Суэцкий канал и пролив Гибралтар в Мировые океаны, чтобы разнести всему миру страшную весть о неопикуемых зверствах нацистов.

Господи! Прими души невинно убиенных и прости им грехи тяжкие и прогрешения вольные и невольные.

Фото 18. Менора в память евреев, расстрелянных в Бабьем Яру.

Глава 21.

Ноябрь 1943 года принёс в Киев освобождение от фашистского ига. Значительно поредевшее за время оккупации население города со слезами радости встречало передовые части Красной армии. Центральная Думская площадь города была заполнена жителями. Там, на помостах виселиц, нашли себе заслуженное место многие предатели и исполнители массовых расстрелов.

Однажды ночью в киевскую квартиру, где ютились две осиротевшие семьи – Володя с тремя детьми и бабушка Нина с Колькой, робко постучали. Бабушка Нина зажгла тоненькую самодельную свечку и пошла открывать. Колька проснулся и, как был раздетым, выскочил из-под одеяла с криком, - «Папа и мама приехали», тоже подбежал к двери. Но, при тусклом свете свечного огарка, он увидел женщину, одетую

в какое-то рваньё. На ногах её были привязанные верёвками обрезки резиновых шин. В народе их называли чуни.

В детской голове Кольки, как-то совсем некстати, завертелась поговорка, которую где надо и где не надо часто повторял дед Никита:

- Спасибо Сталину-грузину, что обул нас у резину...

Эта поговорка, да и остальные, которых у деда в запасе было великое множество, раньше часто была поводом для скандалов с бабушкой Ниной.

- Чёрт старый, догавкаешься. Мало тебе было Беломорканалу, так теперь ещё и в Мордовию отвезут, лес валить.

Дед только смеялся, затем брал в руки свежую газету с очередными портретами вождей, тщательно разминал её в руках и шёл в нужник, изрекая довольным тоном:

- Во! Есть свежий подарочек для моей задницы.

Бабушка Нина только безнадежно махала ему вслед рукой.

Колька узнал женщину. Это была тётя Люся, мама подруга по службе. Он часто видел её в госпитале. Узнав её, бабушка запричитала:

- Люсенька, Боже мой, что с тобой произошло? Вы же с Катей эвакуировались вместе с госпиталем!

- Тётя Люся, а где же моя мама? - взволнованно вторил бабушке Колька.

- Тётя Нина, Коленька, я вам потом всё расскажу. Дайте мне попить водички и хотя бы маленький кусочек хлеба. Я три дня ничего не ела, кроме сырых грибов.

- Сейчас, сейчас, - засуетилась бабушка Нина и выскочила на кухню. - Ты мне скажи хотя бы одно слово, - Катя жива?

Но Люся, сидя на скамейке, прислонившись к ещё не остывшей печке, уже спала. Утром, когда Колька проснулся, Люся с бабушкой сидели за столом и пили заваренный вишневым листом и мятой чай. Люся рассказала им трагическую историю, которая произошла с их эшеленом:

- Поезд отъехал от Киева и в районе Яготина подвергся налёту. Одна бомба попала в головной вагон. Состав сошёл с рельс. Вагоны, забитые ранеными, перевернулись. Пламя охватило весь эшелон. Отовсюду доносились крики о помощи, но помогать было некому. Затем нас атаковал сброшенный с самолётов немецкий парашютный десант. Фашисты безжалостно расстреливали раненых. Почти все они и весь медперсонал были уничтожены. Многих бросили там же в лесу, на произвол судьбы, умирать медленной, мучительной смертью.

- Как это уничтожены? Ведь это же был санитарный поезд? - возмутилась бабушка Нина, - по всем международным нормам они неприкасаемы!

- Но только не для фашистов. Подобного зверства я ещё не видела. Меня ранило и контузило. Я потеряла сознание и пролежала без памяти несколько часов. Очнувшись уже ночью от начавшегося дождя. Видно, он привёл меня в сознание. Десант карателей уже прошёл мимо меня, но я видела, как они, двигаясь цепью, добивали раненых. Некоторых закалывали штыками, сэкономили патроны.

- Тебя они, наверное, приняли за погибшую?

- Скорее всего так. У меня были небольшие, но сильно кровоточившие ранения в голову и плечо. Каратели думали, что я уже труп, и пожалели тратить на меня патрон.

- А Катя? Ты её видела?

- В темноте я не смогла её найти, а звать побоялась. Вдруг немцы кого-то оставили в карауле. И только на рассвете я нашла её останки. Я их узнала по её медальону. Вот он. Возьмите, тётя Нина, я его пронесла на себе через всё, что со мною было.

Бабушка сидела с каменным лицом.

- Тётя Ниночка, у неё были все тяжело раненые. Они находились в одном из головных вагонов. После этой мясорубки там никого в живых не осталось. Единственное, что я смогла сделать, это похоронить её там же, в лесу. Место я обозначила и запомнила.

Дальше тётя Люся рассказала, с каким трудом она добралась до какого-то села. Там ей оказали помощь, а затем два месяца прятали в стогу сена. С наступлением холодов её переправили в лес в небольшой партизанский отряд, где она провела

полгода. На одном из хуторов у них был партизанский госпиталь, и она там работала. Затем, по наводке предателя, их отряд окружили каратели. Бой продолжался до ночи. Ночью, в темноте, ей удалось с остатком отряда выбраться из окружения. И вот, только через три месяца, она смогла добраться до Киева.

Глава 21.

А вот день Победы Колька помнил очень хорошо. В этот день, рано утром, их разбудили крики, доносившиеся с улицы:

- Победа! Победа!

Бабушка вскочила с постели и распахнула окно. Они с Колькой высунулись наружу через подоконник и тоже начали кричать от счастья и размахивать руками.

Победа принесла всем большую радость. Одновременно в их семью она принесла похоронку. Командование полка, в котором служил Колькин папа, сообщало о гибели отца в Берлине. До самого рейхстага дошёл он со своей сорокатиюпятой. Не одолели его на всём пути ни танковые атаки, ни авиабомбы. Погиб он от фаустпатрона, выпущенного каким-то юнцом из гитлерюгенда, который потом сидел на снарядном ящике, трясясь от страха, пуская соплю. Похоронили отца в братской могиле. Бабушка Нина, сидя на скамейке, плакала и слёзы капали на похоронку. Затем поднялась, одела чёрную кофту и пошла в церковь. Возвратилась она уже под вечер. Лицо её было строгое и торжественное. Она стала на табуретку и спрятала похоронку на покути, где стояли иконы. Затем перекрестилась и произнесла:

- Со святыми в упокой.

* * *

От деда Никиты пришло сразу три письма, в которых он рассказывал о своих военных буднях. Последнее письмо, в котором он обещал скоро вернуться домой, было из Праги. Даже фотографию прислал. На ней был изображён бравый вояка в пилотке набекрень, с закрученными усами. На плече, висел автомат и целый ряд медалей. В руках была неизменная гармошка. Бабушка с Володей смотрели на фотографию и удивлялись, до чего же война его изменила. На его бронзовом от загара лице появились глубокие морщины, которые его даже украшали. Он был похудевшим, но в глазах была такая же готовность что-то отчебучить. На погонах были даже какие-то лычки, в которых бабушка не разбиралась.

- Точно, у кого-то попросил гимнастёрку, чтобы похвастаться, - сказала баба Нина, улыбаясь и вытирая слёзы. – Его ж хлебом не корми, а дай выпендриваться.

- Не, - сказал Володя, всматриваясь в фотографию, - я, как фотограф, могу сказать с точностью, что это его гимнастёрка.

- Да знаю, что его. Я шучу, - сказала бабушка и поставила фотографию на полку, на самое видное место. – Вот тут хай и стоит. Скоро ж дружки понабегают, паразиты проклятые. Пусть полюбуются на своего атамана.

Бабушка засуетилась и запричитала, где ж ей взять если не сахар, то хотя бы свеклу, чтобы настоять брагу на самогон.

Во время войны, да и после неё, многие люди, недождавшись своих близких с фронта, надеялись на чудо. Несмотря на подробный рассказ Люси, бабушка Нина не теряла надежду на возвращение Кати. Володя даже написал запрос в газету «Красная Звезда» с просьбой, помочь в розыске. Через месяц пришёл ответ. Ему сообщили, что санитарный поезд, в котором она находилась, сопровождая раненных, попал под налёт фашистской авиации. Состав был разбит. Сведений о её гибели не имеется. Она числится в списке без вести пропавших. Бабушка Нина решила дожидаться возвращения деда Никиты, а потом уже, всем вместе посетить место, где захоронена Катя. Володя обещал через военкомат хлопотать о её перезахоронении в Киеве. Чёрным крылом смерти война прошлась и по их семье.

Все верили в то, что самое худшее уже позади, но жизнь диктовала свои законы. По-прежнему в магазинах продукты выдавали по карточкам. Иногда выпадало счастье, и можно было по ним получить американские консервы. Сверху на торце баночки был прикреплён небольшой ключик, с помощью которого её можно было открыть. Однажды бабушке повезло отовариться этими консервами на целый месяц. Она открыла одну из них. Там были необыкновенно вкусные, цветные горошинки. Так Колька впервые в

своей сознательной жизни попробовал витаминные конфеты. Как-то раз бабушка пошла в домоуправление и мальчик остался дома один. Ему страшно захотелось ещё раз попробовать этих вкуснейших горошин. Не в состоянии перебороть этот соблазн, он достал из буфета самую большую банку и вскрыл её ключиком. Там оказалась какая-то крупа. Он открыл следующую – какой-то жёлтый порошок. Ещё в одной банке белели какие-то зёрнышки, которые у Кольки не вызвали никакого интереса. Они были твёрдыми и невкусными. Потом он уже узнал, что это были перловая крупа, яичный порошок и рис. Неизвестно, как далеко он смог бы забраться в своих поисках, если бы не вернулась домой бабушка. Вечером он услышал, как она рассказывала Володе о Колькиных «исследованиях». Тот только посмеялся и успокоил её:

- Нина Ивановна, ведь всё закончилось благополучно. А что было бы, если бы Коля добрался до банок с повидлом и тушёной? Вы можете его себе представить, измазанного повидлом вперемежку с крупой и тушёной? Хорошо ещё, что вы пришли вовремя.

- Так он же испортил столько банок.

- Это не беда. Всё можно пустить на еду. А если вам будет недостаточно, то у меня есть запас. Как-нибудь проживём.

Глава 22.

А жизнь шла своим чередом.

Как-то раз, ясным погожим деньком Колька собрался пойти погулять. Он быстро оделся и вышел во двор. Бабушка соорудила ему бутерброд из чёрного хлеба, смазанного ароматным подсолнечным маслом, прикрытого кружочками огурца и лука. Колька, потихоньку откусывая эту вкуснятину, уселся на камне. На заднем дворе человек пять-шесть пленных немцев неторопливо разбирали кирпичные завалы. Недалеко от них на ящике сидел охранник с винтовкой и во всю любезничал с дворовой барышней, не обращая на своих подопечных никакого внимания.

Колька подошёл и начал с любопытством наблюдать за пленными, не торопясь, смакуя свой бутерброд. Один из пленных, который работал ближе всех к нему, разогнулся и застыл как изваяние, не отводя глаз от бутерброда. Колька не был жадным ребёнком и, отломив кусочек, протянул ему. При этом один кружочек лука упал на землю. Что руководило тогда Колькой? В то время все, от мала до велика, ненавидели нацистов, и ни о какой жалости не могло быть и речи. Пленный, как бы не веря в подвалившее ему счастье, подошёл к Кольке, медленно протянул грязную руку, взял хлеб и молниеносно проглотил его. После этого он поднял с земли кусочек упавшего лука, очистил его от песка и тоже съел. Кольку это поразило, и он отломил ещё кусок, уже побольше, и протянул немцу. Тот взял хлеб, затем позвал своего товарища, разломил пополам и поделился с ним. Тогда Колька протянул им остаток хлеба и побежал домой.

Дома он наврал бабушке, что уронил хлеб в яму, которых во дворе было предостаточно, и попросил ещё один. С новым бутербродом Колька опять побежал во двор. На этот раз он протянул немцу весь бутерброд целиком. Немец положил его на камень. Затем он вытер об полу шинели грязные руки, взял Кольку за плечи и притянул его к себе. Ласково поглаживая мальчика по голове, он что-то по-своему приговаривал.

Рука у него была твёрдая, шершавая, но очень ласковая, и пахла она чем-то взрослым, солдатским. Точно такой же запах был у отца, когда тот уходил на фронт. Колька закрыл глаза и почувствовал себя таким маленьким, что ему даже захотелось попроситься к нему на ручки. Ему показалось, что такая, именно такая рука должна быть у его отца! О существовании подобных телячих нежностей дети военных лет даже и не подозревали. В глазах у Кольки предательски защипало и перехватило дыхание в горле. Он почувствовал, что сейчас расплачется. С трудом сдерживая слёзы, он оттолкнул руками пленного, развернулся и побежал домой. Там, уже не сдерживая себя, мальчик уткнулся лицом в пахнувший жареным луком и ещё чем-то вкусным бабушкин передник и дал волю слезам. Бабушка Нина, не понимая, чего он плачет, стала его успокаивать:

- Чего ты, маленький, плачешь? Кто тебя обидел? Идём, покажешь мне его.

Затем посмотрела через окно и увидела, как пленные едят его бутерброд и что-то между собой обсуждают:

- Ах, вот оно что! Они у тебя отобрали хлеб? Сейчас я выйду и разнесу этих недобитков. Мало им твоих родителей, мало им Идочки и Дорочки, так они ещё и у тебя последний кусок хлеба отобрали? Ну, нет! Кончилось их время!

- Бабушка, не надо, - сквозь слёзы промычал Колька, - он у меня ничего не отбирал. Я ему сам отдал. И в первый и во второй раз. Я тебя обманул.

- Зачем ты это сделал? У нас же у самих нечего есть!

- Мне стало его жалко. Только ты об этом никому не говори, а то меня во дворе все засмеют.

- Так чего же ты плачешь?

- Я не знаю. Он погладил меня по голове. От него пахло так, как от папы. Мне даже захотелось к нему на ручки.

Бабушка как-то странно посмотрела на Кольку, затем обняла его и заплакала, приговаривая:

- Сиротинка ты моя добрая и доверчивая. Как ты только будешь жить, когда я умру?

Представив себя одного, без бабушки, Колька разревелся ещё больше. Бабушка, почти успокоив его, подошла к буфету, взяла половину буханки хлеба, почему-то взвесив её в руке. Тяжело вздохнула и решительно разрешила её пополам, что-то бурча себе под нос. Потом смазала хлеб подсолнечным маслом. Подумав немного, положила сверху нарезанный огурец, накрыла его кружками лука. Затем достала из кастрюли три варёных картошки. Всё это она завернула в газету и протянула ему свёрток:

- На, отнеси и отдай им. Раз уж ребёнка погладил, значит, совесть у них начинает просыпаться. Пусть Бог им простит их грехи тяжкие, - она отвернулась и вытерла уголком платка слёзы. Затем подошла к иконам и начала креститься.

Колька опять побежал во двор. Его знакомый увидел его и улыбнулся мягкой, доброй улыбкой. Колька, опустив глаза от стыда за то, что он чуть было не расплакался при нём (ведь **победитель** же - он, Колька!) и протянул ему бабушкин свёрток. Пленный развернул его, увидел бесценный дар бабушки Нины, и что-то опять забормотал. Колька поднял на него глаза и увидел - по его грязному от пыли лицу немца текли слёзы, оставляя на небритых, морщинистых щеках светлые дорожки.

То были горькие слёзы войны.